

Николай Добролюбов

Роберт Овэн и его попытки общественных реформ

Николай Александрович Добролюбов

Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ

Статья Добролюбова – одно из первых обращений русской революционной демократии к опыту европейского утопического социализма. Она, несомненно, дала толчок к дальнейшему развитию социалистического учения. Источником биографических сведений Добролюбову послужил очерк «Роберт Оуэн» французского писателя Луи Рейбо. Добролюбов критически отнесся к основной тенденции книги – к опровержению утопического социализма с позиций буржуазии, к идеям примирения с обстоятельствами, послушания и терпения. Тенденция добролюбовской статьи – прямо противоположная. Биография Оуэна для Добролюбова – великолепная возможность для пропаганды и воспитания социально активного человека. Поэтому личность Оуэна с ее могучим творческим и волевым потенциалом, беззаветно отданным улучшению жизни трудящихся, оказалась в центре внимания русского критика.

Содержание

#1	0005
Примечания	0116

**Николай Александрович
Добролюбов
Роберт Овэн и его попытки
общественных реформ**

Вступление. – Первоначальная деятельность Овэна и принятие им в управление Нью-Лэнэркской хлопчатобумажной фабрики. – Состояние фабрики до него: эксплуатация работников капиталистами как причина дурного хода дел на фабриках. – Идеи Овэна и меры, принятые им для улучшения Нью-Лэнэрка, – Восстановление доверия между хозяином и работниками на фабрике; училище в Нью-Лэнэрке, по методу Овэна. – Общее внимание обращено на Нью-Лэнэрк. – Временный успех Овэна, объясняемый состоянием английского общества в начале нынешнего столетия и ошибочным пониманием стремлений Овэна во всей Европе. – Адрес Овэна Ахенскому конгрессу. – Действия Овэна в парламенте, его пропаганда, борьба с клерикальной партией. – Путешествие в Америку и основание колонии Нью-Гармони. – Возвращение в Европу и основание Орбистонской колонии, под управлением Абрама Комба. – Новое путешествие в Америку и переговоры с мексиканским правительством о Техасе. – Деятельность Овэна по возвращении в Англию: пропаганда, участие в восстаниях и предприятиях работ-

ников; «Обмен народного труда»; «Дружеское общество рабочих» в Манчестере. – Поездка Овэна во Францию. – Основание колонии Гармони-Голль. – Представление королеве Виктории. – Манифест Роберта Овэна по этому случаю. – Последние годы жизни Овэна. – Заключение.

Овэн представляет собою бесспорно одно из самых благородных и симпатичных явлений нашего столетия. Недавно (17 ноября 1858 года) угасла его жизнь, полная смелых предприятий и великодушных жертвований на пользу человечества, и никто, даже из врагов его идей, не отказался помянуть его добрым словом. Личность Овэна до того привлекательна своим умным добродушием и каким-то благодатным, светлым спокойствием, его деятельность до того поражает своим полным бескорыстием и самоотвержением, что самые ожесточенные противники его идей, отвергая его радикальные реформы, не могли, однако же, относиться к его личности без особенного уважения и даже некоторого сочувствия. Его обвиняли как утописта, меч-

тающего переделать все человечество, ему доказывали необходимость безуспешности его стремлений; но в то же время большая часть противников не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, если бы предположения Овэна были осуществимы. Лучшие умы нашего столетия выражали свое сочувствие Овэну; даже государственные люди, князья и правители были одно время благосклонно заинтересованы его начинаниями.

В одном из некрологов Овэна мы нашли, между прочим, следующее известие: «Император Николай, бывши еще великим князем, посетил Нью-Лэнэрк и, осмотревши учреждения Овэна – детский приют, жилища работников, мастерские, – долго с ним разговаривал и в заключение сказал ему: «Ваше отечество переполнено населением; переходите в Россию миллионами с двумя ваших соотечественников и организуйте их в общины, точно так, как здесь; я охотно приму их». Овэн сам любил рассказывать это и немало радовался тому, что Россия изъявляла таким образом готовность дать основание для практического осуществления его системы, основан-

ной на началах свободы и братства» («Allgemeine Zeitung», № 328){1}. Свидетельствуя о том, как наглядны были выгоды системы Овэна даже для неприготовленного взора, – факт этот в то же время мог бы быть очень лестным для нашего национального самолюбия, если бы в самом деле у нас были хоть сколько-нибудь распространены сведения об Овэне и предположенных им общественных реформах. Но, к сожалению, не только подробности теоретических соображений Овэна, не только практические его попытки, но даже самое имя его до сих пор почти неизвестно большинству даже образованной публики. Вот почему мы считаем небесполезным познакомить наших читателей с жизнью и мнениями этого замечательного человека, почти три четверти столетия, в Старом и Новом Свете, безукоризненно служившего человечеству.

Роберт Овэн родился в 1771 году в Ньюто-не, небольшом городке графства Монгомери. Родители его были бедные люди и потому не могли дать ему хорошего теоретического образования. Заботясь только о том, чтобы сын

их имел возможность впоследствии добывать себе хлеб, они предназначили Роберта с самого раннего возраста к чисто практической деятельности. Девяти лет он был уже сидельцем в лавке одного купца и очень рано выказал необыкновенную практическую сметливость. В качестве купеческого приказчика и поверенного он разъезжал по разным городам и местечкам Англии и в этих поездках и торговых сделках приобрел множество практических сведений и даже успел составить себе некоторый достаток. Восемнадцати лет Овэн был уже в доле у основателя обширной хлопчатобумажной фабрики, Дэля, на дочери которого потом он женился. Через несколько времени Дэль и совсем сдал на руки Овэна свою фабрику, с которой никак не мог справиться. Это было в 1789 году, и отсюда начинается блестящий период практической деятельности Овэна{2}.

Чтоб оценить значение того, что здесь им сделано, нужно предварительно познакомиться с положением фабрики в то время, когда она попала в руки Овэна.

Фабрика Дэля находилась в Шотландии, на

берегах Клейда. Дэль основал здесь колонию Нью-Лэнэрк и выбрал для фабрики место, в котором падение вод Клейда представляло особенные удобства для гидравлических сооружений. Это обстоятельство было чрезвычайно важно в то время, когда приложение пара к фабричным производствам было еще неизвестно. Но, кроме этого удобства, Нью-Лэнэрк не имел никаких залогов успеха и скоро пришел, под управлением Дэля, в крайнее расстройство. Фабрика была основана в обширных размерах, и работников на нее требовалось много; при этом, конечно, нельзя было делать слишком строгого выбора. А между тем фабричная работа по самому существу своему не была в то время особенно привлекательна. Индустриализм только что начал тогда в Англии приходить в силу, и первый принцип, приложенный им к делу, был – эксплуатация рабочих сил посредством капитала. Разумеется, работникам не было сладко от этого, и на фабрики шли люди только оттого, что им было некуда деваться. Понятно, что такие люди, принимаясь за фабричную работу при таких обстоятельствах, не обнаружи-

вали слишком большого усердия к своему делу.

Они знали, что как ни работай, а все-таки много не получишь с хозяина, который только и норовил, чтобы выжать из работника сколько можно больше выгоды для себя. Вследствие таких понятий и такого порядка вещей установились почти повсюду враждебные отношения рабочего класса к подрядчикам и заводчикам, – и обратно. Хозяин смотрел на своих работников как на вьючных скотов, которые обязаны за кусок насущного хлеба работать на него до истощения сил; работники, в свою очередь, видели в хозяине своего злодея, который истощает и мучит их, пользуется их трудами и не дает им ни малейшего участия в выгодах, ими же ему доставляемых. Само собою разумеется, что не везде в одинаковой степени проявлялась эта неприязнь, потому что не все хозяева с одинаковым бесстыдством эксплуатировали работников; но основа взаимных отношений между теми и другими везде была одинакова. Основатель колонии Нью-Лэнэрка, Дэль, был несколько не хуже – и даже, может быть, луч-

ше – многих других фабрикантов; но, следуя обычной системе обращения хозяев с работниками, он ничего не мог сделать с ними. Невыгоды его положения увеличивались еще тем, что народ, собравшийся к нему на фабрику, действительно был избалован и развращен. Это был всякий сброд из разных стран, невежественный, ленивый и безнравственный. Таким образом, скоро Нью-Лэнэрк даже превзошел в нравственном безобразии другие мануфактурные колонии, вообще не отличавшиеся нравственностью. Вместе с равнодушием к работе явилась склонность к лени и праздности; ничтожность заработной платы, сравнительно с выгодами всего предприятия, и невозможность без чрезвычайных приключений выбраться из печальной колеи наемного работника – производили недовольство, которое мало-помалу переходило в беспечность о будущем, равнодушие к своей участи и наконец в тупую апатию ко всему хорошему. Когда же, таким образом, внутренняя опора честности и порядочности, внутренний возбудитель к деятельности – исчезали, тогда уже не было возможности удержать эту массу

людей, бросившуюся во всевозможные пороки и гадости. В Нью-Лэнэрке было 2000 человек, и между ними едва можно было найти какой-нибудь десяток людей, хоть несколько порядочных. Пьянство господствовало между всеми работниками в самых страшных размерах. Ни один работник не мог сберечь никакой безделицы из своего жалованья: все пропивалось... Если недоставало своих денег, то нипочем было – украсть что-нибудь у товарища. Все надо было прятать под замками; чуть что плохо лежало, – ничему спуску не было в Нью-Лэнэрке. Такое милое поведение обеспечивало, разумеется, вечные ссоры, беспокойства, жалобы и беспорядки в колонии. Все были на ножах друг против друга, никто не мог ни на кого положиться, никто не считал безопасным себя и свое имущество... Ко всему этому присоединилась путаница семейных отношений, безобразно стоявших на полдороге от формалистики пуританства к практике мормонизма или хлыстовщины. При всеобщей бедности и пьянстве работников это имело вид грязный и гадкий более, нежели где-нибудь. Семейство не существовало; дети

оставались не только без образования, но даже без всякого призора; и как только они немножко подрастали, их брали в работу на фабрику. Чему они тут могли научиться, об этом уж и упоминать нечего; но, кроме нравственного вреда, и для самого их здоровья преждевременные, однообразные работы на фабрике были чрезвычайно губительны. Большая часть тех, которые не умерли во младенчестве из-за небрежения старших, погибала в раннем возрасте, среди изнурительных работ и беспорядочной жизни на фабрике. Таким образом, вся колония, испорченная и расстроенная в настоящем не имела никаких шансов и в будущем: нельзя было надеяться даже на то, что вот через несколько лет подрастет новое поколение, которое будет лучше предыдущего.

Дэль долго бился с своими работниками, употребляя для их исправления обычные средства хозяев: брань, строгие приказания, уменьшение жалованья, вычеты, лишение места, судебное преследование. Ничто не помогало. На место прогнанных поступали новые работники, и как бы они ни были хороши

сначала, общий поток увлекал и их спустя несколько дней по их вступлении на фабрику. Работники, у которых убавляли жалованье, старались зато более лениться и не чувствовали особенной разницы в своем положении, потому что ведь и прежде они пропивали все, что получали: конец концов выходил все тот же. А уж если недоставало и на выпивку, то всегда было под рукою легкое средство – украсть... Лишения места решительно никто не боялся, потому что никто не дорожил местом; а брань хозяина даже намеренно вызывалась, потому что многие не без приятности видели раздражение и беспокойство своего врага. Словом – не было, по-видимому, никаких средств улучшить положение фабрики и самой колонии, когда Дэль передал управление Нью-Лэнэрком Роберту Овэну.

Взявши на свои руки хлопчатобумажную фабрику Дэля, Овэн нашел, что доходы с нее были чрезвычайно ничтожны. Он немедленно принялся отыскивать причины дурного хода всей операции. Первое, что ему бросилось в глаза, было дурное качество товаров, приготовляемых на фабрике, и дурной ход

всех фабричных работ. Зло, следовательно, заключалось не в посторонних помехах и затруднениях, а внутри, в особенных недостатках фабричного производства. Раз убедившись в этом, Овэн решился для успеха предприятия переделать организацию фабрики и всей колонии. Он не хотел долго ждать, пока переменятся сами собою обстоятельства, пока наберутся новые люди и родятся новые поколения. Двадцатилетний юноша, полный энергии и уверенности в себе, он полагал, что сам может создать обстоятельства, какие ему нужны, и с помощью новой обстановки преобразует тех же самых людей, которые теперь казались ни к чему не годными. Несмотря на молодость свою, Овэн в это время обладал уже большою опытностью и отлично знал людей. Разъезжая по разным частям королевства, имея дело со множеством разнообразных лиц, он особенно поражался всегда громадностью того влияния, какое имеют на человека окружающие его обстоятельства. Постоянные наблюдения и размышления привели его к мысли, которая с течением времени все крепла в нем и наконец сделалась девизом:

зом всей его деятельности. Мысль эта заключалась в том, что человек по натуре своей ни зол, ни добр, а делается тем или другим под влиянием обстоятельств. В этом заключении Овэн представляет средину между мрачными теориями средневековых фанатиков и розовым воззрением Руссо. По средневековым теориям, намять о которых не исчезла и поныне в католической Европе, человек от природы – зол, и только путем постоянного самоотречения и плотоумерщвления может выйти из своей природной гадости... Руссо, напротив, провозгласил, что человек добр и совершен, выходя из рук природы, а только с течением времени, от привычки к жизни и от общения с людьми, делается злым и порочным. Овэн говорит: ни то, ни другое. В человеке, при рождении его на свет, нет ни *положительного* зла, ни *положительного* добра, а есть только *возможность*, способность к тому и другому. Способность эта заключается в восприимчивости к внешним впечатлениям, и, таким образом, нравственное развитие человека совершенно зависит от того, как устроятся отношения между его внутренней

восприимчивостью и впечатлениями внешнего мира. По мере того как эти впечатления осаживаются внутри человека, образуется в нем и *внутренний* характер, который, приобретая некоторую силу, может потом и противодействовать внешним влияниям, вновь привходящим. Но и тут человек не освобождается вполне из своей зависимости от обстоятельств, и Овэн утверждал даже, что ни один человек, как бы ни крепко сложился его характер, не может долго выдержать себя совершенно неизменным при изменении всей окружающей обстановки. Руководимый таким убеждением, Овэн отважно приступил к реформам в Нью-Лэнэрке, в твердой уверенности, что стоит изменить обстановку быта фабричных, и вся колония примет другой вид.

Как человек умный и практический, Овэн скоро понял, что главной причиной дурного хода дел на фабрике была взаимная недоверчивость и даже неприязнь, существовавшая между хозяевами и работниками. Он решился уничтожить эту неприязнь. Сам он не был жаден к барышам и охотно придал бы всему

предприятию некоторый вид ремесленной ассоциации. Но он не один владел фабрикой и потому должен был действовать в пользу рабочих, не нарушая интересов антрепренерских. Доходы с фабрики были, впрочем, – как уже сказано, – невелики, и потому Овэну небольшого труда стоило уговорить компаньонов предоставить ему полную свободу действий, причем он обещал верные выгоды, а не убыток. Таким образом, сделавшись распорядителем всей операции, Овэн немедленно приступил к мерам, которые должны были восстановить потерянное доверие работников к хозяевам фабрики.

Он был уверен, что как скоро рабочие получат убеждение в том, что хозяин к ним расположен и заботится об их выгодах, то они и сами станут заботиться об интересах хозяина. Теория взаимных услуг, развитая Овэном впоследствии, уже и в это время лежала в основе его деятельности. Сообразно с этой теорией он считал необходимым, прежде всяких других перемен, позаботиться об улучшении материального быта работников; затем он имел в виду улучшение их нравственности, любовь

к своему делу, живое участие в интересах всего предприятия и вследствие того – возвышение достоинства работы и самых выгод от фабрики. Четыре года продолжалась борьба Овэна с беспорядками и развратом всей колонии, и по прошествии этих четырех лет Нью-Лэнэрк принял такой вид, что его узнать нельзя было: Овэн устроил образцовое поселение и вместе с тем чрезвычайно выгодную фабрику.

Чтобы видеть, как он успел достигнуть таких результатов, представим некоторые подробности его действий.

Зная, что в Нью-Лэнэрке на хозяина смотрят плохо, Овэн прежде всего постарался о том, чтобы как можно меньше напоминать рабочим свои хозяйские права. Он выбрал из среды работников несколько честных и смысленных помощников себе, которым и передал свои идеи и намерения. Идеи эти состояли в том, что польза самого дела требует от хозяина заботливости о работниках и что успех предприятия может быть обеспечен только полною добросовестностью и доверием в их взаимных отношениях. Затем намере-

ния Овэна были: по возможности удалить от работников все, что до сих пор неблагоприятно действовало на их материальный быт, и потом облагородить их нравственную сторону. Содействие этим намерениям – вот все, чего желал Овэн от своих помощников; очевидно, что и им самим не было неприятно ему содействовать. Таким образом, с самого начала своего вступления в управление фабрикой Овэн решительно уничтожил все крутые, насильственные меры, все принудительные средства, употреблявшиеся до того времени с работниками. Он предпочел действовать лучше положительными средствами, нежели отрицательными, и принялся за употребление их в очень обширных размерах, прилагая свои идеи не к частным случаям и отдельным лицам, а ко всей фабрике. Он устроил и отделил обширное здание со всеми удобствами для помещения работников и стал отдавать им квартиры внаем, всего более заботясь о том, чтобы не получить с них никакого барыша за это. «Барыш будет уже от того, что они тут жить будут, – рассчитывал Овэн, – как бы ни была ничтожна наемная плата, для фабри-

ки в конце счетов все-таки будет выгода». Действительно, мало-помалу многие работники перешли на житье в новое помещение, которое было несравненно дешевле их прежних квартир и представляло более удобств. Общее ожесточение против антрепренера несколько утихло и стало смягчаться тотчас, как только увидели, что он делает дело по совести. Овэн пошел дальше. Он устроил в Нью-Лэнэрке род рынка, закупал всевозможные товары, необходимые для рабочих, и продавал их, опять наблюдая то же условие: не брать себе ни копейки барыша с продаваемых вещей. Убытка ему не было, а между тем рабочие увидели вдруг огромную разницу в своих расходах. Прежде в Нью-Лэнэрке торговали барышники, вытягивавшие последний сок из беспорядочного и пьяного населения: что было нужно, за то просили впятеро; у кого не было денег, тому отпускали в долг с ужасными процентами, обманывали и обсчитывали на каждом шагу. Все, что не пропивалось работником, шло в руки этих торговцев. Овэн решился избавить от них Нью-Лэнэрк и, чтобы вернее достичь своей цели, не только

стал продавать товары лучше и дешевле, но также открыл и кредит рабочим. Каждому работнику дана была книжка для записи получаемого им жалованья. В счет заработной платы, а в случае надобности – и вперед, он мог брать на рынке Овэна все, что ему нужно. Количество и цена отпущенных вещей отмечались в книжке, а по истечении недели сводились все счета при выдаче заработной платы. Разумеется, и тут предприятие Овэна не вдруг приобрело доверие. Однако же вскоре все увидели, что выгоднее покупать дешево хорошие вещи, нежели дорого дурные. Еще немного – и все убедились, что лучше при конце недельного счета получить десять копеек вместо рубля, за исключением всех расходов, нежели получить полный рубль и тотчас же издержать его весь на те же расходы, да еще остаться в долгу. Мало-помалу все убедились, что Овэн не надувает их, все обратились к его лавочкам и вслед за тем (что было всего важнее для Овэна) увидели, что им можно жить не хуже прежнего и между тем все-таки делать сбережение из заработной платы. Довести работников до этого убежде-

ния было необходимо Овэну особенно потому, что этим только путем надеялся он подействовать на искоренение пьянства в Нью-Лэнэрке. Воровство и важные беспорядки уменьшились довольно скоро; удобные и дешевые квартиры, честная продажа товаров, всегда аккуратный и справедливый расчет с работниками – были достаточны для того, чтобы значительно ослабить и почти уничтожить в них склонность к воровству, грабежу и грубому, наглому мошенничеству. Но пьянство долго не поддавалось усилиям Овэна, потому особенно, что продавцы вина сильно ему противодействовали, всячески соблазняя рабочих. После нескольких бесплодных попыток образумить работников Овэн решился и здесь попробовать ту же меру, которую удалось ему избавить Нью-Лэнэрк от барышников. Он сам принялся за продажу вина и устроил питейные дома и лавочки, где *виски* лучшего качества продавалась на тридцать и на сорок процентов дешевле, чем у других винных продавцов. Разумеется, посторонняя виноторговля была этим сильно подорвана и через несколько времени исчезла из Нью-

Лэнэрка. В питейных же домах, заведенных Овэном, пьянство не могло встретить благоприятных условий для своего развития. Сначала и тут, правда, многие напивались, и никто не мешал им в этом. Но во многих наклонность к пьянству ослабела уже от одного того, что не была возбуждаема и поддерживаема непрерывными искушениями и зазываньями, какие употреблялись прежними виноторговцами. В других проявилась бережливость, и, имея возможность повеселить себя чаркою виски за дешевую цену, они уже не считали особенно восхитительным истратить весь остаток заработной платы для того, чтобы напиться до бесчувствия. Мало-помалу Овэпу удалось довести массу работников до того, что пьянство стало считаться между ними предосудительным. А раз утвердившись на этой почве, он уже без особенных усилий мог искоренить остатки пьянства. Между прочим, сильно помогло ему в этом одно устроенное им учреждение для холостых работников, которые, разумеется, и были самыми опасными кутилами. Он учредил для них общий стол по самой ничтожной це-

не. Пища была очень обильна, разнообразна и питательна, плату за обед можно было просто записывать в книжку жалованья; такие благоприятные условия привлекли многих, а когда они стали иметь порядочный стол, то у большей части сам собою пропал позыв на беспутное пьянство. Спустя некоторое время Нью-Лэнэрк стал на такую ногу, что пьяница поражался в нем общим порицанием и презрением, почти наравне с вором и мошенником. Нравственные чувства пробудились в людях, прежде столь грубых и испорченных, и в Нью-Лэнэрке началась совершенно новая жизнь. Вместе с изменением быта рабочих изменялось и самое управление фабрикой. Враг всяких принудительных мер, Овэн уничтожил все наказания и взыскания, до того времени употреблявшиеся на фабрике. Он хотел действовать только на убеждение и на добрую волю работников. Своими распоряжениями в их пользу он добился их доверия, что было для него вдвойне трудно, как для хозяина и как для англичанина, – потому что большинство работников состояло из шотландцев, плохо расположенных к англичанам. По-

лучивши же доверие рабочих и постоянно его оправдывая своими поступками, Овэн уже весьма легко убедил их, что их собственные интересы должны заставить их работать усерднее и лучше. Он объяснил им кругооборот всей операции таким образом: «От вашего усердия и качества вашей работы зависит количество и качество фабричных продуктов, которые мы можем изготовлять на продажу. Чем больше будет продуктов и чем выше будет их достоинство, тем более доходов получится с фабрики. Увеличение же доходов даст мне возможность более сделать в вашу пользу – возвысить задельную плату, сократить число рабочих часов, увеличить удобство вашего помещения и т. п. Вы видите, следовательно, что, работая хорошо, вы не для моих одних барышей жертвуете своим трудом, а имеете в виду вашу собственную, прямую выгоду». Рассуждения эти были очень просты и здравы, и так как все верили, что Овэн не надует, а действительно сделает, что говорит, то представления его имели сильное действие на работников. Чтобы довершить влияние своих убеждений, Овэн отказался от всякого

формального проявления начальнической власти в своих отношениях с рабочими и предоставил их собственному суду определение степени искусства в работе и личных достоинств каждого. Не только в частной жизни работников, но даже в самой работе их Овэн умел избежать всяких понуждений и взысканий; он никогда не поднимал шуму из-за того, зачем человек наработал мало или плохо, никогда не заставлял работать против воли. Он сказал, что хорошая работа нужна для общей пользы работников еще более, нежели для его частной выгоды, и, помня это, он хотел, чтобы работники сами заботились об исправном ходе работ. И действительно — они заботились: лентяй и плохой работник подвергались порицанию и презрению всего общества, неумеющих учили более искусные, лучшие мастера пользовались общим почетом; во всей массе работников явилось чувство живого соревнования, добросовестность в работе водворялась все более и более, вместе с упрочением нравственных начал в Нью-Лэнэрке. Всякий чувствовал себя ответственным уже не перед эксплуататором-хозяином,

которого и обмануть не грех, не перед начальственной властью, на которую всегда смотрят с некоторой недоверчивостью и даже враждебностью, а перед целым обществом своих товарищей, во всем между собою равных и имеющих одни и те же интересы. Такого рода ответственность, соединенная с чувством правильно настроенного, здорового самолюбия, была самым лучшим двигателем всего хода дел на фабрике. Все старались быть и все делать как можно лучше, не ожидая за это ни хозяйской похвалы, ни прибавки на водку, так как Овэн, уничтоживши взыскания, уничтожил и награды в Нью-Лэнэрке. Единственную дань внешним отличиям принес он, допустивши дощечки разного цвета, которые давались каждому работнику и означали достоинство работы каждого. Дощечки были четырех цветов: *белые*, означавшие, что работа хороша, *желтые* – довольно хороша, *синие* – посредственна, *черные* – дурна. Замечательно, что, по отзывам путешественников, посещавших Нью-Лэнэрк, весьма у немногих работников находились синие дощечки, а черные – ни у кого.

Вне своих мастерских работники также не могли укрыться от общественного контроля, который был гораздо действительнее надзора хозяина. И здесь Овэн умел достигнуть того, чего ему хотелось, всего более тем, что оставил всякое прямое вмешательство в частные дела фабричных. До вступления его в управление работники Нью-Лэнэрка беспрестанно враждовали между собою из-за национальностей и из-за различных оттенков вероисповеданий. Хозяева и надсмотрщики считали своим долгом разрешать их ссоры по своему крайнему разумению; само собою разумеется, что сторона, обиженная решением, воспламенялась еще больше прежнего, и раздор усиливался. Овэн объявил, что он ни к кому особенного расположения не питает и никому не намерен – ни мешать, ни помогать в делах веры и личных убеждений. Для него было решительно все равно, шотландец, англичанин или ирландец был работник и держался ли он чистого католического вероисповедания, принадлежал ли к епископальной или пресвитерианской церкви, был ли методист или анабаптист. Равнодушие и полнейшая, без-

границная терпимость Овэна подействовали и на работников: раздоры землячества и сектаторства затихли и мало-помалу совсем прекратились, так что когда Овэн устроил училище для детей фабричных, то приверженцы самых враждебных между собою сект не усомнились отдать туда детей своих.

Училище, устроенное Овэном в Нью-Лэнэрке, было торжеством его системы{3}. Обычно дети фабричных не получали в это время никакого воспитания. С самых ранних лет они начинали ходить на фабрику и там по мере сил помогали взрослым и по мере возраста приучались к их грубости и разврату. Получить возможность взять детей для ученья от фабричной работы – и это уже было шагом вперед. Овэн добился этой возможности, убедивши работников, что ранее десяти лет не следует посылать детей на фабрику, и ограничивши срок детской работы десятью часами в день – maximum. В училище же своем Овэн вздумал приложить те же начала, посредством которых он так удачно преобразовал Нью-Лэнэрк, и совершенный успех оправдал его систему. Отправляясь от той мысли,

что человек весь есть создание обстоятельств и что, следовательно, на него не может падать ответственность за то, умен он или глуп, скромн или дерзок и т. п., Овэн считал решительной нелепостью всякие условные награды и наказания не только для взрослых, но даже и для детей. Поэтому в училище его никаких наград и никаких наказаний не было положено. К ученью дети возбуждались интересом самого знания, которое им никогда не старались навязывать против их воли. Что касается до внешнего порядка и так называемого *поведенья* учеников, то Овэн никогда не считал нарушением порядка и дурным поведением – маленькие детские шалости, неистребимые притом никакими строгостями. Больших же преступлений не могло быть в училище Овэна уже и потому, что тут почти исключительно находились дети моложе десятилетнего возраста. Да ежели и встречались проступки действительно нехорошие, то они находили свое осуждение и наказание в самих же детях. Посещавшие Нью-Лэнэрк с удивлением рассказывают о том порядке, благородстве и единокорности, какие господ-

ствовали между детьми, находившимися в училище Овэна. Ежели сильный хотел обидеть слабого, остальные дети вступались за обижаемого; если кто замечен был в плутовстве, с ним не хотели иметь дела; кто солгал, тому переставали верить... В играх, в занятиях, во всех отношениях детей между собою господствовала совершенная открытость, справедливость и взаимное уважение и расположение. При этом вовсе не исключалось соревнование учеников между собою; но так как наград и наказаний не было, то оно возбуждалось не завистью и корыстью, а искренним желанием действительного совершенствования. Проистекая из таких начал, соревнование учеников Овэна было тихо и добродушно; оно никогда не могло дойти до такого неистовства, до какого доходило, например, в некоторых ланкастерских школах, искусственно возбуждавших его до такой степени, что соревнующиеся ученики стали наконец пьрять ножами друг друга. У Овэна дети и не ссорились за ученье и учились хорошо. Заметим здесь, что училище его по своим размерам не уступало многим из ланкастерских

школ и что способ обучения Ланкастера и Белля{4} был отчасти усвоен Овэном. Залы училища его могли вмещать до 400 воспитанников. Все дети распределены были по различным классам; самые маленькие учились читать и писать; в старших классах преподавались высшие правила счисления, механики и физики. Старшие обыкновенно не только сами учились, но и руководили младших. На десятилетнем возрасте ученье обыкновенно оканчивалось, потому что с десяти лет дети начинали уже ходить в мастерские на работу. Но и до этого времени они успевали приобретать довольно много сведений благодаря тому, что все ученье было совершенно наглядно и чуждо всяких схоластических замашек и ненужных формальностей. Принято было за правило – непременно *показывать* ученикам самый предмет, о котором говорилось, или по крайней мере рисунок его. Таким образом, естественная история изучалась обыкновенно во время прогулок в поле; изучение географии начиналось с рассматривания карты и продолжалось в виде путешествия по ней от данного пункта, и т. д. Избе-

гать всякой сухости и мертвой формальности и поддерживать в детях живой интерес ко всему, что им преподавалось, – было главной заботой Овэна. Благодаря такой системе мальчики в короткое время своего пребывания в школе приобретали у него довольно основательные познания в геометрии, механике и естественной истории. Девочек учили меньше, и вместо специальных знаний, прилагаемых в фабричном мастерстве, их обучали разным рукодельям, преимущественно шитью.

Здесь не мешает заметить одно замечательное обстоятельство, которое показывает, с каким тактом умел Овэн вести дело и пользоваться своим положением. Мы упоминали выше о множестве различных сектантов, бывших в Нью-Лэнэрке. Принимаясь учить детей, Овэн должен был в религиозном обучении – или выбрать какую-нибудь одну из сект, или приноровляться к каждой из них. И то и другое было нехорошо: первое могло восстановить против Овэна приверженцев других сект, второе значило играть комедию, проповедуя то, чего вовсе не одобряешь. Овэн

блестящим образом выпутался из этого затруднения, сохранивши доброе согласие в колонии и не пожертвовав ни йотой из своих личных убеждений. Он совершенно отказался от религиозного обучения, сказавши, что не хочет стеснять никого и предоставляет родителям полную свободу наставлять своих детей, как им внушают их благочестивые верования. «В семейной жизни и воспитании, — прибавлял Овэн, — правила веры гораздо лучше усвоиваются, нежели в школе, и потому детям не будет никакого ущерба от того, что религиозное обучение не войдет в число учебных предметов школы».

В 1797 году, уже сделавши несколько преобразований в Нью-Лэнэрке, Овэн женился на дочери своего главного компаньона, Дэля, и с этих пор получил еще более влияния на все дела фабрики{5}. Доходы ее быстро увеличивались, итоги доходили до миллионов, и все компаньоны убедились в справедливости и благоразумии распоряжений Овэна. Необыкновенная честность его и рыцарская правдивость во всех торговых сделках еще более увеличили всеобщее доверие к Овэну и подняли

значение Нью-Лэнэркской фабрики. Овэн доводил до того свою честность, что если получал заказ в то время, когда товары были в очень высокой цене, то писал заказчику, не хочет ли он подождать немного, так как через несколько времени цена товара должна понизиться. Сначала все с изумлением смотрели на такой образ действий и со дня на день ждали, что Нью-Лэнэрк разорится и обанкротится. Но прошло 20 лет, фабрика приходила в цветущее положение, владельцы ее получали отличные доходы, и вся колония Нью-Лэнэрка пользовалась полным благосостоянием.

Слух о чудесах, произведенных Овэном, распространился в Англии и вскоре потом во всей Европе. Всеобщее внимание было обращено на Овэна и его удивительную реформу в жизни фабричных; тысячи любопытных посетителей ежегодно бывали в Нью-Лэнэрке и с восторженным удивлением рассказывали об эдемской идиллии, осуществленной на берегах Клейда стараниями Овэна. Только некоторые скептики решались уверять, что тут что-нибудь да не так и что, во всяком случае,

из успеха частного опыта ничего нельзя заключать о достоинстве всей системы, приложенной Овэном к нью-лэнэркским фабричным. Тогда Овэн решился изложить некоторые из общих оснований своих действий, придать несколько систематический вид своим общим воззрениям и объяснить практические результаты, достигнутые им, посредством соображений теоретических. С этой целью издал он в 1812 году свое первое сочинение – «Об образовании человеческого характера» («New views of society, or Essays upon the formation of human character»){6}. В этом сочинении уже очень ясно высказывается взгляд Овэна на природу человека и на условия ее развития в ту или другую сторону. «Человек во всех своих действиях зависит от окружающих его обстоятельств. Полной, абсолютной свободы не существует и никогда не существовало. Поэтому человек не может нести ответственности за то, что у него дурной характер или ложные убеждения. Равным образом и все практические последствия дурного развития ума или воли не должны быть относимы прямо к вине отдельной личности, а

должны быть приписаны действию тех же обстоятельств. Изменение человеческого характера возможно, следовательно, только при перемене той общественной обстановки, в которой живет человек. Эта последняя перемена должна быть совершена посредством улучшения материального быта масс и посредством воспитания новых поколений на совершенно новых началах». Таковы общие положения, провозглашенные Овэном в первом своем опыте. В них ясно уже его бескорыстное стремление к улучшению положения масс народных, ясно сочувствие к этой, в то время униженной, забитой части общества. Несмотря на то, многие не умели понять истинных намерений Овэна, и нет никакого сомнения, что значительной долей временного успеха своих идей в первое время он был обязан именно тому, что его плохо поняли. Как скоро он высказался с большей определительностью, его немедленно все оставили, и идеи его не только не возбуждали уже прежнего восторга, но даже поступили в разряд вредных и опасных мечтаний{7}. Для объяснения этого любопытного факта надо припомнить

положение английского общества и общее движение идей в первую четверть нынешнего столетия.

В конце XVIII века в промышленности Англии произведен был переворот изобретениями Уатта и Эркрайта. Пока не было машин и все производилось руками, возможно было существование множества частных ремесленников, зарабатывавших себе хлеб своими трудами поодиночке. Их произведения были тогда в хорошей цене, потому что при ручной работе производство никогда не могло достигать таких обширных размеров, как при существовании машин. Усовершенствованный Эркрайтом механический ткацкий станок и применение к машинам парового двигателя, сделанное Уаттом, дали совершенно новый вид промышленности Англии и всей Европы. С одной стороны – производительность фабричная страшно усилилась; хлопчатобумажное производство сделалось одною из главных отраслей промышленности Англии[1]. Среднее сословие возвышалось в своем значении и было уже в состоянии тягаться с землевладельческой аристократией. Но с другой

стороны – это же самое распространение машин определило совершенно иначе прежние отношения среднего сословия к работникам. При существовании машин одиночная ручная работа перестала быть выгодною; мало-помалу она совершенно была подорвана машинным производством, которое при своей простоте и дешевизне давало производителям средство значительно понижать цену на товары. Большая часть ремесленников не имела средств на то, чтобы завести у себя машины; для этого нужны были капиталы, которых у них не было. Дух ассоциации не проник еще тогда в промышленность, и оттого вскоре ремесленники очутились в необходимости сделаться наемниками у людей, имевших средства приобретать машины и заводить обширные фабрики. Сначала, пока машин было немного и совокупность ремесленников могла выдерживать с ними соперничество, положение работников на фабриках было очень сносно. Но соперничество не могло долго продолжаться; скоро работники в избытке стали являться на фабрики, не имея возможности кормиться произведениями одиночной своей

работы, сильно упавшими в цене. Тогда, разумеется, заработная плата понизилась, и вскоре работники увидели себя в совершенной зависимости от капиталистов, без всяких средств для противодействия с своей стороны. Положение их было до того беспомощно, безвыходно, что возникшая вскоре конкуренция между капиталистами-промышленниками не только не послужила к улучшению положения рабочего класса, но даже сделала его еще хуже. Конкуренция выражалась тем, что производство старались улучшить и удешевить. Таким образом, товары всё упали в цене, а сообразно с тем понижалась и заработная плата. О том же, чтобы привлечь к себе работников предоставлением им каких-нибудь преимуществ, никто и не думал: об этой дряни не стоило заботиться; капиталисты знали, что нужда заставит прийти к ним каких-нибудь работников даже за самую ничтожную плату.

Кроме небрежности и лени, между всеми работниками господствовало чувство неприязни и скрытного озлобления против капиталистов-хозяев. Такое расположение рабочего

класса много вредило успешному ходу дел на фабриках и еще более внушало хозяевам какой-то неопределенный страх пред недовольными массами. Они чувствовали, что беспощадная эксплуатация рабочих сил может иметь конец не совсем приятный для самих капиталистов; но, несмотря на это сознание, им никак не хотелось поступиться, даже временно, какою-нибудь частью своих барышей для увеличения материальных средств рабочего класса. Им бы хотелось как-нибудь приискать средство эксплуатировать работника так, чтобы им было от этого очень хорошо, а ему не было дурно. Надобно было изобрести игру, в которой бы все играющие оставались в выигрыше. Таковую именно игру увидели эти люди в проектах Овэна, и в этом заключается тайна его первых успехов в среднем классе общества.

Но еще более сочувствия встретил Овэн в государственных людях, в аристократических кругах Англии и всей Европы. И тут было то же недоразумение. Английская аристократия вступила в антагонизм с буржуазией с самого начала сильного развития промышленности

Англии. С одной стороны была поземельная собственность и родовые привилегии, с другой – капитал и индустриальные стремления. Но аристократия была ужасно встревожена демократическими тенденциями французской революции и даже опасалась, чтобы что-нибудь подобное не повторилось и в Англии. В своей боязливой предусмотрительности она не заметила, что опасность угрожает ей совсем с другой стороны, и заботилась всего более о том, чтобы не допустить в народ якобинских идей, за которые считалось тогда всякое предъявление своих прав лицами низшего сословия. Принимая такой принцип в отношении к народу, аристократия поземельных владельцев незаметно для себя самой помогала непомерному усилению значения промышленников-капиталистов. Скоро сделалось заметным преобладание индустриальных интересов пред земледельческими, сельское население переходило в города, огромные массы бедного народа группировались в промышленных центрах, значение поземельной аристократии падало, и коттон-лорды, владельцы больших хлопчатобумажных фаб-

рик, сделались наконец опасными соперниками лендлордов, поземельных владельцев. Не вдруг поняли лендлорды весь смысл и последствия для них индустриального развития страны в ущерб благосостоянию низших классов. Их все ослеплял и стращал кровавый призрак французской революции. Наконец реставрация их успокоила; они увидели, что народа бояться нечего, и вздумали действовать против буржуазии. Торийское министерство до 1822 года представляет ряд стеснительных и обременительных законов, имевших целью ограничить развитие гражданской свободы преимущественно в средних классах. Ограничения эти все-таки, разумеется, не имели в виду пользу народа; но аристократы и государственные люди сильно уже задумывались о том, как бы дисциплинировать массы и, давши им право на кусок хлеба, сделать за то послушными орудиями в своих руках. Не зная, как бы это сделать без всяких жертвований и существенных уступок с своей стороны, государственные люди были приятно поражены опытами и планами Овэна. Он не требовал никаких правитель-

ственных реформ, у него не находили крайних демократических принципов, которых так страшились. Напротив, в его общине видели патриархальное устройство: он представлялся чем-то вроде добродетельного протца, в своей особе соединявшего все гражданские власти, а работники являлись его покорными детьми, готовыми всем жертвовать для его пользы и спокойствия. Растворившись себе таким образом положение Овэна, аристократы и государственные люди никак не хотели допустить мысли о том, что стремления Овэна могут быть совершенно бескорыстны. На его планы они тоже смотрели как на игру, в которой никто, может быть, не останется в большом проигрыше, а самый большой выигрыш должен выпасть на их долю.

В таком положении застал Овэн английское общество, и не мудрено, что его идеи были приняты с восторгом даже такими людьми, от которых всего менее можно было ожидать каких-нибудь доброжелательных расположений к народу. Преимущественно были в ходу идеи Овэна от 1815 до 1830 года,

когда во всей Европе проводились предначертания Священного союза{8}, а в Англии была во всей силе борьба буржуазии с аристократией. Из всех партий, выказывавших тогда склонность к непонятым теориям Овэна, едва ли еще не искреннее всех были капиталисты-фабриканты, видевшие в этих теориях легкое средство получать с фабрик более барышей, без отягощения и даже с облегчением участи рабочих. Они тем искреннее принимали мысли Овэна, что действительно в это время чувствовали нужду в поддержке масс для успеха в борьбе своей с аристократией. Такое колебание продолжалось у них до самого билля о реформе 1832 года, придавшего им довольно прочное значение в парламенте{9} и тем обеспечившего их и со стороны аристократии и со стороны масс работников, о которых, впрочем на словах, они и после того не переставали заботиться. Что же касается до аристократической партии – не только в Англии, но и в целой Европе, то она, в отношении к пониманию Овэна, была гораздо менее близка к истине, нежели партия промышленная. Овэн все представлялся им вроде како-

го-то укротителя зверей, смирителя анархических порывов, мудрого старца, наполовину бургомистра и наполовину школьного учителя, – и только. Они видели, что он желает, чтоб многочисленный производственный класс народа мог жить мирно и спокойно, и за это они хвалили его: им тоже хотелось, чтоб парод жил мирно и спокойно. Но чего хочет Овэн от них самих – они этого и знать не хотели. Им вовсе не казалось нужным вникнуть в то, что для достижения возможного благосостояния масс им нужно самим немножко побеспокоить себя и решиться на некоторые жертвования. Это неприятное обстоятельство они отстраняли от своего рассудка и, видя в Овэне только отличного укротителя и ловкого организатора работников, очень желали научиться его мудрости. В этих видах очень интересовался Овэном герцог Кентский, брат короля, несколько раз присутствовавший на митингах Овэновой партии и рекомендовавший его идеи всей английской аристократии. В этих же видах покровительствовали теории Овэна и другие прославленные люди того времени, столь же

мало понимавшие всю чистоту его намерений. В 1818 году он высказал несколько определенных своих предположения насчет рабочего класса в двух «адресах», представленных им: один – монархам, собравшимся на Ахенском конгрессе, другой – всем европейским правительствам{10}. Он положительными фактами и цифрами доказывал здесь, что изобретение механических ткацких станков и паровых машин, в 12 раз увеличивши промышленную производительность Великобритании, имело, однако же, для рабочего класса одно последствие – страшное увеличение бедности. Затем он представлял очень ясные выводы, что если все пойдет и вперед так же, как шло доселе, то пролетариат должен быстро усиливаться и ему не помогут никакие частные меры. Анализируя значение *таксы для бедных*{11}, Овэн утверждал, что она с каждым годом должна увеличиваться и что наконец общество должно будет насильственно отнять у бедных большую часть прежнего вспоможения (что и случилось). Для того чтобы выйти из такого горестного положения, возможно было, по мнению

Овэна, одно средство: отказаться от огромных, исключительно мануфактурных центров, служащих местом игры громадных капиталов и имеющих развращающее, унижающее и разоряющее влияние на массу рабочего населения. Вместо их Овэн предлагал завести небольшие общины, устроивши их на основании выработанных им начал, в виде промышленно-земледельческих ассоциаций. Этой радикальной мерой Овэн думал отвратить бедствие пролетариата, избавивши массу населения от необходимости отдавать свой труд в распоряжение богатых спекуляторов. В подтверждение возможности успешного существования таких общин Овэн указывал на Нью-Лэнэрк. Ахенский конгресс слишком был занят высшими государственными соображениями, чтобы иметь досуг для рассмотрения такого незначительного дела, как улучшение быта ремесленных классов, и потому проекты Овэна остались без последствий на конгрессе. Тем не менее общее внимание высших государственных сановников было благоприятно обращено на английского филантропа. Сам Меттерних не без похвалы отозвался о нем;

а король прусский прислал ему золотую медаль. В Англии тот же успех встретил Овэна: его первое сочинение – «Об образовании человеческого характера» – было теперь разослано к разным лордам, прелатам, членам палаты депутатов, во все возможные университеты. Лорд Сидмут официально объявил Овэну, что правительство одобряет его идеи и постарается применить их, как только общество будет к тому приготовлено. Все это совершилось в пятилетие 1812–1817 годов, и сами враги Овэна сознаются, что если б он хотел в это время воспользоваться общим энтузиазмом для своих личных целей, то мог бы сделать славную аферу. Спекуляции на филантропию редко бывают неудачны, а филантропические планы Овэна были так обширны и так успели зарекомендовать себя пред целой Европой, что даже при самом добросовестном и человеколюбивом мошенничестве могли доставить много миллионов сметливому аферисту. Многие ожидали, что Овэн воспользуется своим положением для собственных выгод, – и все ошиблись.

С 1818 года начинается для Овэна жестокая

борьба, вместо того блестящего триумфа, каким он пользовался несколько лет пред тем. Борьба эта ведена была с безукоризненной честностью и благородством со стороны Овэна; но при всем том нужно согласиться с его противниками, что борьбу свою предпринял он совершенно безрассудно и в продолжение ее выказал много раз свое наивное добродушие. Этот чудак вздумал преобразовать Англию, Европу, целый мир, – и в чем же? в деле самом священном, самом милом для человеческих сердец, в деле личного интереса! Он хотел безделицы: чтоб лентяи и плуты не имели возможности обогащаться на счет чужого труда и чтоб дураки не могли записывать в преступники людей, не согласных с их мнениями! И наивный упрямец никак не хотел убедиться, что подобное предприятие безумно, что тут никакого успеха нельзя ожидать и что вообще против интересов сильных мира сего идти никогда не следует, «потому – сила...». Он не только ничего этого не хотел понять, но даже не хотел пользоваться и теми недоразумениями, которые остались в большей части его покровителей после первых

его опытов. Уверенный в справедливости своих начал, радуясь на свою Нью-Лэнэркскую фабрику и колонию, он сочинил, между прочим, следующий, может быть и справедливый, но несколько странный силлогизм: «Что могло однажды образоваться и осуществиться в логических построениях мысли человека, то не может уже быть признано невозможным в мире и должно, рано или поздно, непременно найти свое осуществление и в фактах действительной жизни»{12}. Подкрепляемый такой мыслью, Овэн смело и открыто вступил в борьбу за свои идеи, все более и более раскрывая их пред глазами противников. И по мере того, как он определеннее и строже высказывал свои виды, исчезала его популярность. В продолжение семи лет, 1817–1824, он не только не успел сделать ничего существенного, но даже восстановил против себя все партии и почти напрасно истратил значительную часть своего состояния, которое нажил до того хлопчатобумажной фабрикой.

В 1817 году он оставил Нью-Лэнэрк для того, чтобы искать себе более обширный круг деятельности{13}. Так как имя его пользова-

лось значением между членами парламента, то ему удалось провести вопрос об общем ограничении работы детей на фабриках{14}. Согласно его убеждениям, решено было, чтобы детям не работать более десяти часов в день и чтобы не поступать на фабричную работу ранее десяти лет. Добившись этого, Овэн поднял вопрос о воспитании и обучении детей рабочих классов. Тут постигло его первое поражение. Еще ранее этого сделались известны мысли Овэна о началах воспитания и возбудили негодование преимущественно в высшем духовенстве Англии. Выступивши на общественную деятельность, Овэн не думал прикрывать своих тенденций, а, напротив, старался всячески распространить их и растолковать как можно яснее всем и каждому. Для этого он писал множество журнальных статей, сочинял воззвания и манифесты, обращенные ко всем классам общества, печатал бесчисленное множество статеек (tracts), которые раздавались всем даром на улицах... Издержки его на пропаганду этого рода вычитываются до миллиона франков. При такой громадной *гласности*, о которой так хло-

потал сам Овэн, трудно было кому-нибудь оставаться в ослеплении насчет его планов. И вот – клерикальная партия поднялась первая. Полная терпимость и невмешательство школы в дело религиозного обучения, провозглашенные Овэном, подали повод к нападению. Затем объявлены еретическими и безнравственными многие мнения Овэна об образовании человеческого характера, приведенные нами выше. Утверждали, что своим учением об обстоятельствах Овэн подрывает все начала нравственности и снимает с человека всю ответственность за его поступки. Некоторые доходили до того, что видели в Овэне последователя пелагианской ереси...{15} Овэну, собственно, не было никакого дела до теоретических начал, принимаемых разными сектами: он ко всем им был одинаково равнодушен. Но ему очень важно было влияние обучения, предположенного им, на перевоспитание будущего человечества, и потому он никак не хотел допустить – ни того, чтобы разногласия сект вторглись в мирное святилище его школы, ни того, чтоб одна из сект исключительно завладела религиозным обучением,

насильно связавши таким образом совесть детей нравственными путями. Высказываясь все с большей решительностью, Овэн наконец прямо обвинил все клерикальное направление в бессилии и пустоте за то, что оно, толкуя о нравственности и о добре, на деле оказывалось слугою сильных мира и не заботилось о том, чтоб извлечь из бездны нищеты и разврата миллионы людей, погибавших под гнетом своих притеснителей. Это обвинение вызвало громы против Овэна. Он принужден был отступить от своих требований по вопросу об обучении.

В это самое время умер герцог Кентский, бывший искреннее других аристократов расположенным к Овэну. После смерти его и после достаточного раскрытия теорий Овэна аристократия значительно охладела к нему. Таким образом, в двух самых сильных в Англии классах общества Овэн не мог надеяться ни на какую поддержку.

Оставалось ему примкнуть к одной из политических партий, и всех ближе к его стремлениям были радикалы. Но и тут Овэн не умел заставить себя польстить им. В это вре-

мя шли сильные толки о реформе *гнилых местечек*{16}, от которой радикалы ждали совершенного обновления общества. Овэн в простоте души имел смелость объяснить им, что замышляемые ими меры вовсе не так важны, что они даже недостаточны и что от них весьма мало будет толку для благосостояния народных масс. Радикалы вознегодовали и лишили Овэна своего доверия. Прямоту и решительность и тут повредили наивному чудаку!

Видя, что теория принимается плохо, Овэн решился опять делать пропаганду фактами. С этой целью он, между прочим, открыл подписку на учреждение новой колонии и первый сам подписал 500 фунтов стерлингов. Через несколько времени составила довольно значительная сумма, на которую было куплено в Шотландии, в Мотервилле, 500 акров земли и сделаны были первые приготовления для заведения колонии... Не довольствуясь Шотландией и Англией, Овэн отправился в Ирландию, чтоб и там возбудить общее участие к жалкой участи несчастных простолюдинов. В Дублине три раза составлял он со-

брана, под председательством лорда-мэра, в которых положено было основание филантропическому обществу, окончательно организовавшемуся несколько позже. В это же время удалось ему учредить в Лондоне *кооперативное общество* (cooperative society), которое через несколько лет чрезвычайно расширилось, но сначала все-таки не удовлетворяло Овэна. Ему тяжело было встречать беспрерывные ограничения и стеснения своих стремлений; он хотел более простора для своей деятельности и, недовольный Европой, стал помышлять о поездке в Америку. В 1824 году он действительно отправился туда, с намерением основать там колонию наподобие Нью-Лэнэрка.

Прибывши в Северную Америку, Овэн вскоре нашел очень удобное место для своих опытов. В Индианском округе Соединенных Штатов, на берегах реки Вэбаша, существовала уже с 1803 года колония так называемых *гармонистов*, представлявшая собою род религиозной секты, с суровыми, почти аскетическими правилами, под управлением немца Раппа. Колония эта, равно как и самая мест-

ность, называлась «Гармония». Тут же поблизости нашел удобное место для своего предполагаемого поселения и Овэн{17}. Он приобрел здесь деревеньку, в которой могло поселиться до 2000 душ, и при ней – 30 000 акров земли. Сделавши покупку земли, Овэн отправился в Вашингтон, имел свидание с президентом и получил дозволение изложить свои мнения и предположения пред конгрессом. Собычною простотою и свободою представил он конгрессу свои намерения и был выслушан с чрезвычайною внимательностью и уважением. Предоставляя полный простор для всякой пропаганды, Соединенные Штаты не воздвигали против Овэна таких официальных препятствий, какие встретил он в Англии. Поэтому, заявивши всенародно и открыто свои убеждения, он свободно мог предаться своим идеям и стремиться к осуществлению своих замыслов. В скором времени около него сгруппировалась масса людей, изъявивших полное сочувствие к его принципам. Новая колония, названная Овэном Нью-Гармони, – наполнилась поселенцами. Поселенцы эти представляли замечательное раз-

нообразии в своих идеях, побуждениях, степени развития, в характере, звании, даже в вере и национальности. Одно только было общее всем или почти всем: *бедность*. Богачи и люди достаточные не откликнулись на призывы Овэна, и это было уже не совсем хорошим признаком для реформатора. Это подавало повод подозревать, что к нему присоединяются более из корыстных видов, нежели по чистому убеждению. И подозрение оказалось в самом деле справедливым. Из толпы, собравшейся к Овэну, очень немного было людей истинно порядочных. Большая часть шла с тем, чтобы пожить без нужды и без забот на счет благодетеля, наивно мечтающего о всеобщем благоденствии. Таким образом, уже с самого начала Нью-Гармони находилась в положении гораздо более затруднительном и неблагоприятном для планов Овэна, чем каково было положение Нью-Лэнэрка. Там реформы Овэна произошли совершенно естественно из предшествующего порядка дел на фабрике; там не люди пришли к ним, а они были приложены к людям; там сами люди эти понимали, что их трудом и их честностью

должна обеспечиваться для хозяина возможность продолжать для них свои благотворительные меры. Здесь ничего подобного не было: здесь люди шли на клич к Овэну, приступали к нему с надеждами и требованиями, а он давал им обещание и как бы обязательство в том, что они будут благополучны под его руководством. Очевидна вся невыгода положения, в какое поставил себя Овэн в виду этой толпы грубых, невежественных и развращенных нищих, из каких состояло большинство людей, собравшихся в Нью-Гармони. Если бы Овэн имел менее энтузиазма к своим идеям и более осторожности, то он сам, конечно, при самом начале своей новой колонии понял бы, что тут нельзя ожидать полной удачи. Но он так верил в могущество своих принципов, что даже при самых дурных шансах не мог отказаться от попытки. Он принялся за дело организации новой общины, и нужно еще удивляться, как много успел он сделать при обстоятельствах столь неблагоприятных. Вот несколько строк о Нью-Гармони из Луи Рейбо, который очень недолго любит идеи Овэна и старается изобразить их не только химериче-

скими, но даже отчасти и вредными. Несмотря на свое глубокое убеждение, что попытка Нью-Гармони была совершеннейшая чепуха и ни при каких условиях не могла удалиться, он не может, однако же, не сознаться в следующем: «Нельзя, впрочем, не отдать Овэну справедливости в том, что он и здесь по возможности умел возобновить и продолжать благотельные учреждения Нью-Лэнэрка. Дети, составлявшие главную надежду Овэна, обращали на себя особенное его внимание. У него были усовершенствованы все методы воспитания, и он умел от юношей добиться того, к чему напрасно старался приучить людей зрелых лет, — дружной и старательной земледельческой работы. В главном центре колонии учреждены были общества земледелия и механических искусств, и горсть порядочных людей, последовавших Овэну, принялась по его внушениям образовывать и смягчать грубость этого, почти дикого, населения. Здесь давали балы, концерты, вечера; самые низкие работы перемешивали с занятиями самыми деликатными. Так, например, убравши коровий хлев, молодые женщины садились у се-

бя за фортепьяно, что немало забавляло герцога Саксен-Веймарского, когда он посетил Нью-Гармони. Придуман был особенный костюм, для всех одинаковый: для женщин – платья несколько античного покроя, для мужчин – греческие туники и широкие шаровары. Сколько было возможно, Овэн старался отучить своих колонистов от тысячи условных тонкостей, которые наше тщеславие внесло в нашу общественную жизнь и которых корень кроется отчасти в привычках всех вообще, отчасти же и в претензиях немногих. Помещение было одинаково у всех расположено и меблировано; одежда была однообразна, пища – общая всем». Сделавши это описание, Рейбо заключает, что община Овэна, может быть, и могла бы существовать с успехом, если бы в ней не было «рокового принципа общинности», то есть если бы она была устроена не на тех началах, на которых действительно устроена. «Но Овэн, желая составить *человеческую* общину, требовал для нее *ангельского* населения», – остроумно замечает Рейбо, забывая, что Овэн именно отличался отсутствием всякой требовательно-

сти в отношении к людям, вступавшим в его общину. Людей, сделавшихся полускотами, он хотел сделать полными людьми, и не раз это удавалось ему. Он полагал, что может всех людей возвратить к жизни истинно человеческой, не ангельской и не скотской, – и в этом самонадеянном мнении была огромная ошибка. Он верил, например, в то, что человек здоровый и обеспеченный в необходимых потребностях жизни не станет лежать на боку, брезговать работой и поедать плоды чужих трудов; ему казалось, что всем людям очень легко внушить понятие о полной солидарности их прав и обязанностей и что легко провести эту солидарность во всей практической деятельности общины. Судя по себе и по некоторым избранным натурам, Овэн думал, что труд сам в себе заключает много привлекательности и что жизнь на чужой счет тяжела и отвратительна для всякого человека. Это уже было, разумеется, детски ошибочно. Правда, в членах своей общины Овэн успевал обыкновенно пробудить сознание в справедливости его начал; но от сознания еще слишком далеко до практической деятельности. Не

ключок земли, не месяцы и не годы нужны были для того, чтобы пересоздать общественные привычки. Все производя из обстоятельств, Овэн надеялся, что привычки эти легко будут забыты при новой общественной обстановке, созданной им. Но и тут он был слишком легковверен и самонадеян: он выступал на борьбу с целым светом, противопоставляя свои, вновь изобретенные условия жизни тем всемирным условиям, которыми до того определялась жизнь человеческая. Он считал нелепыми все эти условия; но он сам был нелеп, воображая, что эти освященные веками нелепости можно разрушить экспромтом. Еще можно бы иметь некоторые шансы на успех, предлагая заменить эти нелепости другими, равномерно бессмысленными; но чего же мог надеяться общественный реформатор, вопиявший против нелепостей – даже не во имя высших туманных абстракций, а просто во имя здравого смысла, во имя первых, насущных потребностей здоровой человеческой природы?..

Овэн сам заметил свою опрометчивость, когда увидел, что в Нью-Гармони образова-

лась ватага лентяев, старавшихся только воспользоваться преимуществами общинной жизни и отклонить от себя все труды и обязанности. Работы в Нью-Гармони вообще пошли очень дурно; оказался большой дефицит в приходах против расходов, и Овэн, признавшись, что «характеры еще мало приготовлены для его системы», счел за лучшее опять обратиться к теории и пропаганде. В Северной Америке учение его распространялось очень быстро, и в 1827 году считалось уже до тридцати общин, основанных по началам его системы. Многие из нее было принято и в маленьких религиозных общинах, подобных «Гармонии» Раппа. Но в то же время воздвиглась против него и вражда партий. На первом плане явилась, разумеется, и здесь партия клерикальная. Овэну пришлось выдержать ожесточенную борьбу с одним фанатиком-методистом, Кэмпбелем, который путешествовал по Соединенным Штатам, проповедуя крестовый поход против Овэна и его последователей. Проповеди этой Овэн не боялся; но ему неприятно было встретить и здесь то же ожесточение против себя, какое видел

он в Европе. Всего же более огорчило его то, что в Нью-Гармони чрезвычайно слабо принимались его идеи. Он нетерпеливо желал произвести в своей общине братство и трудолюбие, и принужден был видеть лень, эгоизм и разъединение, постоянно противившиеся всем его усилиям. Надеясь, что время поможет упрочению его системы, Овэн решился между тем употребить свое время и труды на поприще более обширном. Оставивши управление Нью-Гармонийской колонией и отказавшись от всякого права на вознаграждение за свои капиталы, затраченные на эту общину, Овэн отправился в Европу, чтобы там распространять свое учение.

В Европу призывало Овэна и сильное сочувствие, выраженное многими образованными людьми к его идеям. Возвратившись в Англию, Овэн нашел, что основанное им кооперативное общество чрезвычайно деятельно и энергично стремилось к распространению и осуществлению его теорий{18}. В Дублине, Брайтоне, Ливерпуле, Глазгове, Эдинбурге, Бирмингеме, Манчестере и других городах учреждены были секции этого общества.

Повсюду готовились публичные собрания его последователей, повсюду в комитетах изыскивали средства пропаганды. В Лондоне Овэн нашел митинг из 2000 человек, сочувствовавших начинаниям общества. Основан был журнал «Cooperative Magazine»{19}, посвященный исключительно распространению, разъяснению и защите доктрин, принятых обществом. Наконец, в большей части членов общества замечалось горячее желание осуществить в новой реальной попытке теории, проповеданные Овэном. Почти в каждом из частных собраний общества предлагалась подписка на основание новой колонии на началах, выработанных в теории Овэна. Одна такая колония действительно и была основана в Орбистоне{20}, селении близ Эдинбурга, на землях господина Гамильтона, бывшего одним из главных подписчиков на учреждение колонии в Мотервилле. Управление этой общиной вверено было Абраму Комбу, одному из замечательных последователей учения Овэна. Комб сделал в Орбистоне некоторые отступления от чисто общинного начала, принятого Овэном. В Орбистоне, кроме арен-

даторов, пользовавшихся общинными владениями, допущены были и собственники и даже дозволено одному и тому же лицу быть и арендатором общины и в то же время иметь свою собственность. Этой уступкою Комб думал примирить капиталистов с возможностью принять общинное начало. Но само собою разумеется, что подобная уступка была слишком жалка и ничтожна для капиталистов и вообще для людей зажиточных. В Орбистонскую общину, так точно как и в Нью-Гармони, столпились бедняки, желавшие только пользоваться удобствами ее. Здесь нашли они готовое помещение – опрятные домики, фермы, огороды, сады, по которым не без приятности можно было прогуливаться, и они были очень довольны и действительно прогуливались, не отказывая, между прочим, и в своей благодарности тому, кто все это устроил. Но работали они лениво, говоря, что ежели убивать себя над работой, так и везде можно жить довольно сносно, а что овэновские общины тем-то и должны отличаться, чтобы в них без всякого труда можно было жить в свое удовольствие. Попробовали этим

людям говорить о нравственном совершенствовании: они пришли в недоумение. Им казалось, что они и так достаточно хороши и нравственны, и они объявили, что нравственнее быть не желают. С таким народом сладить было довольно трудно; но Комб смело пошел навстречу всем затруднениям. С необыкновенным терпением и изумительным тактом принялся он за исправление нравственного характера орбистонских поселенцев, и труды его увенчались под конец его жизни значительным успехом. В колонии водворилась тишина и взаимная услужливость, мужчины сделались трезвыми и деятельными, женщины стали стыдиться сплетен и также принялись за дело; во всем населении проявилась любовь к труду и доброму порядку в жизни. Производительность мастерских Орбистонской колонии значительно усилилась, и Комб уже не сомневался, что в Орбистоне скоро повторится то же, что представлял собою Нью-Лэнэрк при Овэне. Но в 1827 году Комб умер, и с его смертью расстроилось все дело, которое он умел вести с таким успехом.

Посетивши многие местности Англии, в которых были собрания его последователей, произнесши несколько публичных речей, напечатавши несколько статей, Овэн во второй раз отправился в Америку, чтобы и там продолжать свое дело. Здесь посетил он Нью-Гармони и нашел здесь, вместо общинного поселения, обыкновенное учреждение, в котором работники забраны были в руки людьми, имевшими в своих руках капиталы, и где господствовали – обычное недовольство рабочих и обычное угнетение со стороны капиталистов. Видя, что тут уже дела нельзя поправить, Овэн обратился в другое место. Мексиканское правительство предложило ему для его поселений Тэхас. Начались переговоры; но когда Овэн объявил непременным условием совершенную свободу совести и религиозного обучения, духовенство и тут восстало на него и еще раз помешало его намерениям. В 1829 году Овэн опять возвратился в Англию.

На этот раз он явился вовсе не вовремя. Борьба среднего сословия с аристократией явно склонялась уже в пользу первого. Парламентская реформа была уже решена в обще-

ственном мнении; коттон-лорды принимали на себя представительство рабочих масс, и всякая попытка эманципации работников казалась им враждебной и опасной для их политического значения. Поэтому общество очень холодно встретило теперь пропаганду Овэна, и с 1830 года он является уже почти исключительно в союзе с работниками; его имя стоит во главе некоторых предприятий, в которых рабочее сословие вступало в борьбу с своими хозяевами. Сам он не мог теперь начинать больших предприятий, потому что огромное состояние его было большею частью растрчено в прежних попытках разного рода, частью же передано детям. Теперь Овэну оставалась только пропаганда и личное участие в судьбе рабочего класса. И в этом отношении он был неутомим. Он путешествовал из города в город с своей пропагандой, останавливаясь преимущественно в местах, служивших центрами промышленного движения, – в Манчестере, Ливерпуле, Бирмингеме, Глазгове и пр. В 1834 году ему пришлось, между прочим, играть важную, но весьма неблагоприятную роль в деле восстания

рабочников в Лондоне. Восстание это было продолжением и отчасти следствием волнения, происшедшего перед тем в Манчестере, и строгого суда над тамошними рабочниками {21}. Сто тысяч человек поднялись и пошли к Сент-Джемскому дворцу со значками каждого ремесленного цеха. Овэн в этом случае принял на себя переговоры с правительством. Уговоривши рабочих быть спокойнее и выражать только разумные требования, с соблюдением полного уважения к порядку и законности, он явился в Сент-Джемс, чтобы изложить перед правительством справедливые желания и жалобы рабочего класса. Но министры не умели оценить умеренность и благородство его представлений, – Овэн являлся перед ними в качестве ходатая за народ, и этого в их глазах было достаточно, чтобы принять его свысока и неприязненно и не уважить его представлений. Ничего не добившись, воротился Овэн к толпе, ожидавшей результата его переговоров, и был ею принят тоже неласково, как человек, на которого пало подозрение в доброхотстве правительству... Таким образом, его добродушие и любовь к справед-

ливости послужили только поводом к обвинению его чуть не в измене с той и другой стороны...

Общественное мнение высших классов все более и более вооружалось против Овэна по мере того, как пред всеми прояснялась и доказывалась его приверженность к делу рабочих в их борьбе с монополиями капитала. Между прочим, много нареканий навлекло на него одно предприятие, в котором он не играл почти никакой роли, но где его имя было пущено в ход, даже почти без всякого права. Это был заговор работников против хозяев с целью заставить их возвысить заработную плату. Решено было, что если хозяева не сделают прибавки, то работники должны отказаться от работы на неопределенное время. Составлена была подписка, и для поддержки ремесленников, отошедших от хозяев, собрано было до 40 000 фунтов стерлингов (около 250 000 руб. сер.). В общем собрании бросили жребий, кому начинать борьбу; жребий пал на портных, особенно многочисленных в Лондоне. Портные потребовали от хозяев возвышения задельной платы и, получив отказ,

бросили работу{22}. В течение месяца они получали хорошее содержание из общей кассы, но на другой месяц она истощилась, – а хозяева и не думали смиряться пред работниками. Сделан был заем для рабочих, в надежде, что – вот скоро хозяева попросят мира. Но прошел и еще месяц, а хозяева не сдавались. Последние средства общества истощились, и работникам самим пришлось идти на поклон. Всей этой историей воспользовались недоброжелатели Овэна для того, чтобы осмеять и очернить его, хотя он даже с самого начала предприятия не совсем одобрял его.

Более серьезное и действительное участие принимал Овэн в предприятии, которое образовалось под именем «Правильного обмена народного труда» («National labour equitable exchange»). Начала этого предприятия были очень просты: работники должны были получать за свой труд квитанции с означением в них количества рабочих часов, в которые они занимались у хозяина. Эти квитанции могли потом служить вместо монеты при покупке работниками разных продуктов. Например, портной, покупая сапоги, давал сапожнику

известное количество рабочих часов своих; сапожник, покупая хлеб, мог дать булочнику квитанцию своих рабочих часов или передать квитанцию, полученную от портного, и т. д. Осуществление этой мысли сильно занимало Овэна, и он придумал даже род кредитных билетов, в которых счет составляется не рублями, а часами работы. Несколько позднее то же самое предлагалось во Франции, в «Banque d'echange», придуманном Прудоном {23}. В последнее время сами экономисты склоняются несколько к этой мысли. Но при начале предприятия Овэна на него накинлись все, как на сумасброда, называли его беспокойным мечтателем, смеялись над ребяческой неосновательностью его затей и т. п. В Лондоне ему решительно житья не было. Он удалился в Манчестер.

В Манчестере несколько лет уже пред тем существовало между работниками дружеское общество, имевшее целью – взаимное вспомоществование и круговую поддержку друг друга. Довольно долгое время составлялся вокруг рабочих общинный капитал, отлагавшийся из их же доходов. Овэн, явившись в Манче-

стер, сделался руководителем и главным двигателем всех действий общества. Под его влиянием круг общества значительно расширился, капитал увеличился, много замечательных людей приняли участие в делах манчестерских работников; наконец дружеское общество работников превратилось в «Союз людей всех классов и наций» («Association of all classes, of all nations»), связанный единством идей и стремлений{24}. В скором времени Манчестер сделался главным местом соединения и деятельности последователей Овэна. Здесь постоянно составлялись собрания и митинги овэнистов, здесь издавалось несколько журналов, старавшихся проводить его идеи. Даже главный журнал Овэна «New moral World», начатый в Лондоне, продолжался потом в Манчестере{25}. Овэн очень деятельно участвовал в этом журнале, так что почти не появлялось ни одного номера, в котором бы не было его статьи или хотя коротенькой заметки. Кроме того, он писал в это время и сочинения более обширные, которые, равно как и прежние свои статьи, раздавал даром. Из них замечательнее других были: «Чтения о

новом общественном устройстве»; «Опыт об образовании человеческого характера»; «Шесть чтений в Манчестере»; «План разумной системы»; «Книга нового нравственного мира»{26}. В «Манчестерских чтениях» представляется теологический спор Овэна с Робакком, очень сильно и бойко нападавшим на его принципы в отношении к религии. Кроме самого Овэна, в его духе писали в это время – Абрам Комб, Аллен Томпсон, Джемс Брэби и др.{27} От многих из своих *будто бы последователей* Овэн, впрочем, сам отрекался.

В 1838 году Овэн совершил поездку во Францию. Здесь встретил он особенное участие со стороны гг. Жюля Ге, доктора Эвра и г. Радигёля. При посредстве их он добился дозволения два раза говорить в «Атенеи», изложил свои общие принципы, свои планы и надежды и успел возбудить некоторое сочувствие{28}. По крайней мере с этих пор французское образованное общество обратилось к чтению и изучению его произведений, которые до того времени знало только по слухам.

Возвратившись в Англию, Овэн в 1839 году с горстью приверженцев, оставшихся верны-

ми его идеям, предпринял было еще попытку основать колонию в духе тех же начал, как были основаны Нью-Лэнэрк, Нью-Гармони и Орбистон. Собрана была довольно значительная сумма, и в Соутэмптоне положено начало колонии, названной Гармони-Голль. Но все условия были слишком неблагоприятны на этот раз, и в 1845 году все предприятие рушилось.

В последние годы своей жизни Овэн ограничился почти исключительно теоретической пропагандой своих идей. В 1840 году произошло одно обстоятельство, по поводу которого опять шумно заговорили и долго шумели об Овэне. Королева Виктория пожелала говорить с Овэном и узнать его систему; через посредство лорда Мельбурна он был ей представлен. По этому случаю поднялись страшные крики со стороны оппозиции в парламенте и со стороны высшего духовенства Англии, которого представителем явился теперь епископ Экзетерский Фильпот. Нападали и на Овэна и на министра, объявляя факт представления Овэна королеве как что-то бессмысленное и чудовищное. Нападения их вы-

звали со стороны Овэна протестацию, которая явилась под следующим заглавием: «Манифест Роберта Овэна, изобретателя и основателя системы разумного общества и религии» {29}. Высказывая свои общие воззрения, Овэн сообщает здесь и некоторые факты своей деятельности. Неизъяснимо милое добродушие и спокойствие господствует в этом «Манифесте», и тем сильнее поражает нас смелость и широта воззрений, высказываемых в нем с такой простотою. «Манифест» этот не длинен, и мы решаемся представить его читателям, чтобы дать понятие о характере воззрений и о самом способе выражений Овэна. Не забудем, что это произведение полемическое; и вот как Овэн ведет свою полемику.

МАНИФЕСТ РОБЕРТА ОВЭНА, ОСНОВАТЕЛЯ СИСТЕМЫ РАЗУМНОГО ОБЩЕСТВА И РЕЛИГИИ

I. Система общественного устройства, господствовавшая до нашего времени, имеет своим источником прозрачные понятия, которые произошли от первобытного, грубого состояния человеческого ума, лишенного основательных знаний.

II. Все внешние обстоятельства, управляющие миром, суть произведение человека и носят на себе отпечаток этих первобытных, несовершенных понятий.

III. Опыт с очевидностью доказывает всякому тщательному и мыслящему наблюдателю плачевную ложность этих первоначальных, грубых понятий. В предшествующие века, которые справедливо можно назвать неразумным периодом человечества, человек был ими обманут насчет своей собственной натуры и доведен до того, что стал самым непоследовательным и несовершенным из всех существ.

IV. История человечества неотразимо доказывает неразвитость доселе человеческого ума, и каждая из ее страниц подтверждает в подробностях, как безумны и бестолковы были его стремления.

V. История доселе была только рядом войн, убийств, грабежей, бесконечных разделений, взаимных противодействий разных сторон друг другу в достижении состояния мирного и счастливого; в истории был доселе

тот период, когда все были во вражде с каждым, и каждый – во вражде со всеми, – принцип, удивительно приспособленный к тому, чтобы произвести как можно больше зла и как можно меньше счастья.

VI. Все учреждения, господствовавшие в мире, прямо вытекают из этих первоначальных, грубых и ужасных заблуждений наших предков.

VII. Вместо этой системы глубокого невежества, принуждающей человека делаться с детства, по уму и по образу действий, существом неразумным, непоследовательным и не способным понимать самые нелепые свои ошибки, я предлагаю ныне всем народам мира другую систему общественного устройства. Это система совершенно новая, основанная на началах, выведенных из неизменных фактов, находящаяся в полной гармонии с законами природы. Это система, в которой каждому обеспечивается общее содействие всех и всем – содействие каждого, – принцип, удивительно удобный для того, чтобы произвести как можно больше добра и как можно меньше несча-

ствий.

VIII. Я предлагаю систему человеческой жизни, во всех отношениях противоположную системе прошедшей и настоящей, – систему, которая произведет новый ум и новую волю во всем человечестве и каждого, с неотразимою необходимостью, приведет к последовательности, разумности, здравому мышлению и здоровым поступкам.

IX. Эта новая система откроет людям глаза на прошедшее и настоящее развращение человеческого рода, на безумие и ложность наших учреждений, на настоящую потребность изменить все эти внешние обстоятельства и принять другие учреждения, основанные на дознанных фактах и сообразные с нашей натурой. По этим последним признакам всякий человек может отличить истину от лжи.

X. В этой системе столько силы, что она, и только она одна, может скоро положить конец человеческому невежеству; остановить возрастание пауперизма и отвратить возможность

его возобновления; уничтожить все суеверия, господствующие над миром, и удалить все причины разъединения людей, как на деле, так и во взаимных расположениях; произвести неисчерпаемое обилие во всем, что необходимо для жизни и для удовольствия человека, и сделать для него производительный труд более легким и приятным.

XI. Система эта не признана, но она столь могущественна, что в самый тот год, когда ее примут, она произведет на земле более благосостояния, наслаждений и нравственности, нежели сколько старая система могла произвести в течение веков и сколько она еще произведет в будущем, как бы долго она ни существовала.

XII. Эта система так различна от нынешней, и в теории, и в практике, и во всем своем характере, что она произведет свои реформы спокойно, тихо, последовательно и в таком порядке, что никто не потерпит ни малейшего ущерба в своих интересах нравственных и вещественных, а, напротив, всякий найдет в ней удовлетворение и благо для себя, во всяком месте, во

всяком народе.

XIII. Мало того, щадя ошибки прежнего общественного быта и не желая ни в чем оскорблять совести, новая система устроит дело так, что старые суеверия всякого народа умрут своею естественною смертью, с возможно меньшим неудобством для личностей, которых существование с ними связано, и с возможно большей пощадой человеческих слабостей.

XIV. Так как эти две системы совершенно противоположны, то ясно, что слияние между ними невозможно ни в каком случае, даже тогда, когда одна из них исчезнет в другой. Старая система основана на заблуждении и не может защищать себя иначе, как с помощью уверток и лжи. Новая система основана на истине и не допустит никакого обмана – ни в общественной, ни в частной жизни, ни между отдельными личностями, ни между пародами.

XV. Основатель новой системы был в первый период своей жизни промышленником, сам вел дела, распоряжался, приобрел опытность, и он из своих знаний и опыта извлек положения, ос-

нованные на естественных свойствах нашей природы и вполне им соответственные.

XVI. Эти новые положения так необыкновенны, что в их сочетании для всего человечества заключается, при той же сумме труда, во сто раз более выгод, нежели сколько старая система давала кому-нибудь из людей. И эти неслыханные доселе планы, эти соображения, долженствующие произвести новый нравственный мир и дать человеку разумный характер, готовы подвергнуться критическому рассмотрению самых ученых, самых практических, самых опытных людей в четырех существеннейших отраслях человеческой жизни, то есть: 1) в производстве; 2) в распределении богатств; 3) в образовании человеческого характера с детства; 4) в установлении местного и общего управления.

XVII. Новая нравственная система не может иметь дела с старою безнравственною системою иначе, как только для того, чтобы привести ее к полнейшему, мирному уничтожению. И падение людей, которые считали для

себя выгодным поддерживать старый порядок вещей, доказывает, что час совершенного преобразования уже пробил.

XVIII. Внимание народов, в видах их собственного благоденствия, обращено уже на этот важный предмет, интересный для ныне живущих и для тех, которые еще будут жить.

XIX. Основатель этой системы, уже около полувека работающий над ее усовершенствованием, просит себе позволения говорить в обеих палатах не только для того, чтобы вступить в борьбу с противниками, которые его не понимают, но и затем, чтобы развернуть чред глазами всего мира безмерные выгоды его учения.

XX. Центральный совет, составляющий исполнительную власть всеобщего и общинного товарищества разумной системы, также просит себе слово в обеих палатах, чтобы опровергнуть чудовищные клеветы, рассеянные по стране и письменно и словесно разными противниками нашими, которые считали выгодным для себя нападать на нашу реформу.

Основатель *разумной системы* осуществил уже, впрочем, некоторую долю своих намерений и дал миру маленькое понятие о том, что может он совершить на пользу человеческих обществ.

1) Своим примером, своими сочинениями, речами, ходатайством пред различными законодателями, – он добился *улучшения участи детей*, работающих на английских фабриках по требованиям ненавистной системы производства, истощающей целые поколения и представляющей самое варварское явление в этом мире, имеющем претензию считать себя цивилизованным. (См. парламентские заседания 1816–1818 годов.)

2) Он придумал и учредил, сообразно с началами разумной системы общества, *детские школы*, в которых новая, высшая система внешней обстановки, действуя на образование юных характеров, производила в них привычки и склонности мирно-благожелательные и одушевляла их любовью ко всем. В этих школах сообщались детям только положительные и верные знания в дружеских разговорах учеников с наставниками, посвящен-

ными в тайну познания человеческой природы. (См. сочинения: «Об образовании человеческого характера» и адрес 1810 года относительно образования новых учреждений для воспитания человеческого характера.)

3) В 1816 году он дал г. Фальку, голландскому посланнику, проект уничтожения нищеты посредством заведения приютов для бедных и предоставления им общественных работ. Г-н Фальк одобрил этот проект и представил его своему правительству, которое в следующем году действительно и учредило «Колонию бедных голландцев» и «Благотворительное общество». В этом почтенном обществе Фрэнсис, герцог Бедфорд и основатель разумной системы – единственные, кажется, почетные члены из англичан. Автор предварительно представлял свой проект кабинету лорда Ливерпуля, и, без сомнения, он бы согласился на опыт, если бы в советах правительства, при всем их чисто мирском характере, не преобладало влияние клерикальное. А если бы план этот принят был в тех размерах, как автор представлял правительству, то бедные и рабочие классы с тех пор уже значи-

тельно поднялись бы и были бы употреблены с пользою. Более мильона фунтов стерлингов напрасных издержек было бы сбережено, взамен того получилось бы более ста мильонов дохода, произведенного новою, правильно организованною промышленностью. Не нужно было бы требовать билля об изменении закона относительно таксы для бедных; не было бы в Англии и Ирландии народонаселения, умирающего с голоду; не слышно было бы жалоб стольких несчастных, и чартизм не существовал бы. (В подтверждение этого см. рапорт Овэна о законе насчет бедных, представленный комиссии, бывшей под председательством г. Стерджеса Берна.)

4) В том же 1816 году основатель *разумной системы общества* представил прусскому посланнику, барону Якоби, план новой системы народного воспитания и подробное изложение здравых начал общего управления. В возмездие за это открытие основатель системы получил через того же посланника собственноручное письмо короля прусского, в котором он благодарил автора и выказывал такое сочувствие к его системе, что изъявил наме-

рение поручить своему министру внутренних дел – применить ее во всех прусских областях, где только будет возможно. И в самом деле – в следующем году новая система народного воспитания была уже в силе в Пруссии. (См. соч. «Об образовании человеческого характера», издание первое и последующие.)

5) Основатель *разумной системы* деятельно помогал Беллю и Ланкастеру в утверждении их планов воспитания. Он дал первому в несколько раз более тысячи фунтов стерлингов. «Национальному комитету» доктора Белля он дал 500 фунтов и предлагал подписать 1000, если эти народные школы будут открыты для всех детей, без различия сословий и религий. О предложении этом спорили в комитете два дня, и оно было отвергнуто весьма ничтожным большинством голосов. (См. протоколы комитета.)

6) В 1816 и 1817 годах Овэн посетил замечательнейших передовых людей Франции, Швейцарии и части Германии. Товарищами его в дороге были, между прочим, Кювье и Пиктет. В это время он был представлен герцогом Кентским герцогу Орлеанскому, ны-

нешнему (1840 год) французскому королю. Он посетил также замечательнейшие воспитательные заведения материка, особенно Фалленберга и Песталоцци, получая из уст государственных людей, законодателей, наставников такие сведения, какие только могли быть сообщены лучшими умами того времени.

7) В 1822 и 1823 годах Овэн поднял в Ирландии вопрос о народном воспитании и об употреблении нищих на фабричные работы. Здесь он был принят католическими и протестантскими епископами, главами аристократии и самыми образованными людьми этой страны. Он собирал несколько многочисленных и оживленных митингов в Дублине и взялся представить обеим палатам прошения, говорившие в пользу *разумной системы*. Значительные, хотя, впрочем, все-таки недостаточные, суммы были также подписаны здесь в видах осуществления предположенных планов. (См. отчет об этих митингах, напечатанный немного спустя после отъезда Овэна из Дублина.)

8) В 1824 году Овэн отправился в Соединен-

ные Штаты, посетил там всех, бывших тогда в живых, президентов, собрал о многих политических, административных и социальных вопросах мнения столь отличных и опытных людей, как Джон Адамс, Джефферсон, Монро, Джон Квинси Адамс. Он толковал с членами высшего судилища; два раза был выслушан в конгрессе и получил со всех сторон благодарения за свои указания, заслужившие общее одобрение. Потом он развивал свои идеи в главнейших городах Союза и в двух своих путешествиях входил в сношения со всеми замечательнейшими людьми Штатов.

9) В 1828 году Овэн явился в Мексике с намерением официально принять на себя управление Тэхасом, чтобы предотвратить бедствия, которых театром сделалась с тех пор эта провинция. Он представил на этот счет мексиканскому правительству записку, составленную им в Европе и предварительно сообщенную посланникам значительнейших держав американских. Поддерживаемый ими и опираясь на рекомендацию Веллингтона пред английским посланником в Мексике, лордом Пакенгамом, Овэн вошел в перегово-

ры. Сам лорд Пакенгам взялся изложить его планы в официальной конференции; он представил в высшей степени похвальный отзыв – и о методе Овэна, и о его личности, и о качествах, делавших его вполне способным к выполнению предположенного дела. Президент отвечал, что мексиканское правительство серьезно рассматривает это дело и что жаль только того, что управление Тэхасом не прямо зависит от Мексики. Потом он присовокупил: «Если г. Овэн желает взять на себя управление территорией гораздо более обширной, мы можем ему предложить область, лежащую между Тихим океаном и Мексиканским заливом и образующую, в большей своей части, границу между Мексиканским союзом и Соединенными Штатами». При этом великодушном предложении гг. Пакенгам и Овэн не могли удержаться своего изумления. Впрочем, когда начались объяснения, Овэн предварительно потребовал, чтобы его провинции предоставлена была полная религиозная свобода. Президент отвечал, что это условие может служить помехою, так как в Мексике господствует католическое исповедание, – но

что он представит конгрессу предложение о введении в Мексике веротерпимости, подобно Соединенным Штатам. «На этих основаниях, – сказал тогда Овэн, – я соглашаюсь; как скоро закон будет принят, я примусь за мои правительственные распоряжения». В остальное время своего пребывания в Мексике Овэн был представлен высшим правительственным лицам страны и в Вера-Крусе имел несколько свиданий с генералом Санта-Анною, выказавшим живейшее сочувствие к его проектам общественных улучшений. Овэн отправился из Вера-Круса на военном десятипудовом бриге, присланном из Ямайки, чтобы отвезти его в Новый Орлеан.

10) В своих путешествиях Овэн мог убедиться, сколько несогласий и гибельных антипатий существовало между Соединенными Штатами и Англией. Он понял, что дело может дойти до того, что Штаты заключат союз с северными державами, враждебными Англии. Овэн хотел попытаться сделать эти отношения более доброжелательными и искренними. Он отправился в Вашингтон, представил г. Ван-Бюрену, тогдашнему министру,

как противны были здоровой политике отношения двух держав, и в конференциях, продолжавшихся десять дней, вопрос был совершенно разъяснен между двумя посредниками. Представили дело тогдашнему президенту Джэксону, который одобрил содержание и исход переговоров и изъявил свое согласие на открытие дружественных сношений между двумя державами. Он пожелал видеть Овэна, пригласил его на обед, и тут согласились, что Американский союз примет с этих пор новую политику, доброжелательную Великобритании, если только эта последняя примет то же направление и проникнется тем нее примирительным духом. С этой уверенностью Овэн отправился в Европу. Едва прибывши в Лондон, он представился лорду Абердину, дал ему отчет во всем, что произошло, и получил от него уверение, что отныне установятся наилучшие отношения между Англией и Североамериканскими Штатами. Конфиденциальные письма и депеши указали английским посланникам в Америке – сообразоваться во всем по этому делу с советами Овэна. Дело пошло хорошо и было окончено к обоюдному

удовольствию. Овэн формально настаивал на необходимости порешить со всеми маленькими разногласиями в частностях, – и очень жаль, что тогда не воспользовались этим случаем для того, чтобы положительно определить границы со стороны Канады. По поводу этих переговоров один из принцев Мюратов сказал в одной книге, изданной в Соединенных Штатах, что Овэн обманул американское правительство. Овэн, конечно, давно бы ответил на это обвинение, если бы его знал. Молодой Мюрат был вовлечен в ошибку: Овэн никого не обманывал. Ему приятно объявить теперь, что ни одно правительство в мире не могло бы вести себя с большим достоинством и благородством, чем Соединенные Штаты в этом случае, и что, с другой стороны, – он должен воздать величайшую похвалу и действиям английского министерства, преимущественно же лордов Ливерпуля и Веллингтона. Он считает, однако, нужным заметить здесь, что недавно этот достоуважаемый генерал отказался представить одну его просьбу палате лордов и даже не хотел выслушать его объяснений, – что, впрочем, нужно приписать

только влиянию некоторых лиц, *не желающих понять и оценить планы разумного общества.* (Достоверность изложенных здесь фактов могут засвидетельствовать генерал Джэксон, президент Ван-Бюрен, граф Абердин, генерал Санта-Анна и многие другие.)

11) Видя, что мексиканское правительство не может хорошенько уладить религиозный вопрос в границах, предположенных Овэном, и понимая, что положение Мексики не представляло достаточных гарантий для спокойного и последовательного осуществления его идей, Овэн отказался от общинных опытов в чужих странах и обратился к своей родине, которая нуждалась в его преобразованиях не менее или еще больше, чем всякая другая страна. Поэтому он употребил последние десять лет на распространение в английском народонаселении здравых понятий и на приготовление его к той мирной реформе, которую теперь он в состоянии возвестить миру. Таким образом, значительная часть рабочего класса в Англии имеет гораздо более, нежели в других странах, здравые понятия о всех вопросах, касающихся их обеспечения и благо-

состояния. Через несколько лет результаты эти будут еще очевиднее, потому что тогда еще лучше узнают на самом деле истину, чистоту и всю важность нового учения. Роберт Овэн посетил также в недавнее время некоторые из старых государств Европы, чтобы приготовить их к изменениям, которые становятся неизбежными при развитии истинных понятий в рабочих классах. Уже 22 года тому назад Овэн предвидел этот результат; теперь он приблизился, – и никто уже не может сомневаться в его значении.

В тот самый период времени Роберт Овэн написал и издал первую из семи частей «Книги нового нравственного мира», долженствующей заключать в себе изложение науки о природе человека. Такой книги доселе не доставало человечеству, и автор будет ее защищать против всех, которые сочтут своим долгом или найдут выгодным нападать на нее.

Издание этой книги сопровождалось появлением множества других произведений Овэна, рассуждавших о различных предметах – о религии, о браке, о личной собственности, о народном воспитании, о занятиях ра-

ботников; за этими произведениями, если их хорошо поймут, признано будет великое значение не только для Англии, но и для всего остального мира.

Но сверх всего этого Роберт Овэн оказал неоцененную услугу открытием и обнародованием новой, разумной системы общества и религии – дело, которого развитие теперь уже невозможно остановить. Это – система более благодетельная, чем все ложные и отвлеченные системы, бывшие до сих пор, – система истинная, доброжелательная для всех, выгодная всем и каждому, долженствующая обеспечить благоденствие и мир вселенной. Мир был еще в неведении насчет этой системы, но достоуважаемый епископ Экзетерский позаботился дать ей самую громкую гласность, изложивши ее в палате лордов[2].

Вот вкратце изложение части того, что сделано Овэном для состарившегося, одряхлевшего, безнравственного мира. Но это ничего не значит в сравнении с тем, что замыслено им для того, чтобы исторгнуть человека из нищеты, раздоров, унижений, пороков и бедствий.

Теперь одно слово насчет моего представления ее величеству королеве. Я спрашиваю, кому из нас троих всего более чести принесло это свидание? Тому ли старику семидесяти лет, который более полувека искал приобретения редкой, между людьми мудрости, с одной целью приложить ее к облегчению бедствий несчастных, и который, в видах осуществления своих планов, позволил даже нарядить себя как обезьяну и склонить колено пред молодой девицей – прекрасной, конечно, но вовсе неопытной? Или министру, который заставил этого старика подвергнуться этим формам этикета, и потом в речи, полной нелепостей, почти отрекся от всего этого дела, которого был, двигателем и которое некогда будет может быть, считаться лучшим и важнейшим делом его управления. Или, наконец, – этой молодой девушке, пред которой преклонял колени семидесятилетний старец?.. Что касается до меня, то я не считаю за честь быть представленным никакому человеческому существу, каково бы оно ни было.

Двадцать два года тому, в адресе моем, представленном через лорда Кастельрэ европейским монархам, собравшимся на Ахенском конгрессе, я объявил, что в моих проектах и действиях я совершенно чужд всякого желания каких-нибудь почестей и привилегий, на которые всегда смотрел как на детские побрякушки или мелочи, достойные людей суетных и малодушных.

Однако же глава нынешней оппозиции в палате депутатов счел важным преступлением мое представление ее величеству и воспользовался им как оружием против министра который это дело устроил.

Неужели нынешний сэр Роберт Пиль мог поднять это волнение серьезно и не краснея?

Разве позабыл он, что старый Роберт Пиль, отец его, в продолжение многих лет был в наилучших отношениях со мной и считал полезным добиваться пред палатою депутатов осуществления моих идей и принятия – хотя со множеством искажений – моего билля о работе детей на фабриках?

Старый Роберт Пиль был человек практический, старавшийся найти себе опору не в пустых словах, а в предметах существенно полезных и плодотворных. Он был опытный человек, серьезно и добросовестно взвешивавший и обсуждавший мысли, которые представлялись его рассмотрению. Я спрашиваю теперь у почтенного предводителя отчаянной оппозиции, восставшей теперь в палате депутатов, – помнит ли он мой визит уважаемому отцу его, сделанный перед одним из моих путешествий в Соединенные Штаты, в то время, когда он – нынешний сэр Роберт Пиль, член кабинета лорда Ливерпуля, – находился в фамильном своем местопребывании, в Дрэйтон-Голле? Если он не забыл этого, то должен вспомнить и то, что я тогда привозил с собою около двухсот планов и рисунков, относящихся к новой системе организации общества. Я их назначал для президента Соединенных Штатов, в комнатах которого они и были потом выставлены и, может быть, и теперь еще там находятся. Сэр Роберт Пиль-отец посвя-

тил много часов на рассмотрение этой единственной в мире коллекции, в которой я раскрывал средства совершенно переделать внешние обстоятельства, определяющие характер человека, и доставить будущим поколениям гораздо более благородное употребление их сил и гораздо обильнейший источник наслаждений. Долго разбирал и изучал он предмет в самой его сущности, средства осуществления, научные данные, которыми определялась общая гармония и великое значение всей совокупности моей системы, и после этого строгого рассмотрения он несколько минут оставался в безмолвном изумлении, а затем сказал вот какие слова, замечательные по их глубине и справедливости. «Г-н Овэн, – сказал он мне, – во всем королевстве не найдется четырех человек, которых образование было бы достаточно обширно и разнообразно, чтобы оценить значение столь великих соображений; но если бы много было людей которые могли бы понять вас так, как я, – то они тотчас признали бы, что изменение, предполо-

женное вами, может произвести гораздо более, нежели сколько вы сами можете обещать». Затем он прибавил: «Мой сын Роберт теперь здесь. По всей вероятности, он не поймет ваших соображений, потому что не имел еще случая заниматься изучением подобных предметов. Но останьтесь у нас до завтра. Вы увидите его за обедом, и мы попробуем несколько затронуть его ум, раскрывши перед ним ваши проекты». Я остался, исполняя просьбу достойного баронета; но мне и тогда нетрудно было заметить, что сэр Роберт Пиль нынешний вовсе не имел ни нужных сведений, ни опытности для того, чтобы обнять предмет, бывший не по силам его разумения. Я свидетельствую мое глубокое уважение ко всей этой фамилии; но мне грустно видеть, до какой степени политические предубеждения искажают самые блестящие достоинства.

Что касается достопочтенного прелата Экзетерского и его речи, произнесенной на прошлой неделе в палате лордов, то я считаю себя вправе заключить, что ему еще нужно вырази-

меть хорошенько те заблуждения, безнравственности и хулы, против которых он гремел так продолжительно. Я убежден, что самый последний из многих тысяч мальчиков, учащихся в моих школах, объяснит все это гораздо удовлетворительнее и разумнее, нежели этот благородный лорд в полном собрании парламента.

Но, серьезно размысливши обо всем этом, я пришел к тому, что сказал себе: почтенный виконт, государственный министр, почтенный предводитель оппозиции в нижней палате и достопочтенный прелат Экзетерский – имеют каждый свой характер, сложившийся особенным образом и насильственно увлекающий их, отчего их заблуждения становятся невольными, неизбежными и, следовательно, достойными сострадания, а не брани. Разумная любовь и религия, которые некоторым образом дремали во мне при чтении речей этих благородных господ, теперь вновь заговорили во мне со всей своей силой и чистотой. Поэтому я забываю и прощаю все, что они могли сказать. Мне кажется, что их

старая общественная система не должна им внушить столь же прямо-душной и искренней любви в отношении ко мне, и это обстоятельство еще более увеличивает мое сострадание к ним.

Облегчивши мое сердце от этих мелочей, я перехожу к размышлениям более серьезным и важным.

Некоторые лица в английском парламенте предлагали – преследовать и наказывать нескольких последователей разумной системы общества.

Правду сказать, – в этом было бы очень мало разумного.

Я – изобретатель, основатель и открытый проповедник этой системы и всех заблуждений, безнравственностей и хулений, которые она содержит (если только можно найти в ней хоть тень чего-нибудь подобного). Я один ее виновник, и, следовательно, меня одного нужно (если уж нужно) преследовать и казнить за все гадости, какие в ней могут скрываться. Я готов доказать первому министру королевы, что разумная система и разумная религия в том виде, как я их препода-

давал, вовсе не суть нелепости; главе оппозиции я готов доказать, что система эта возвещает истины чрезвычайно важные и полезные; наконец, достопочтенному епископу Экзетерскому я докажу, что разумная система, возвещенная мною миру, содержит несравненно менее безнравственности и безрассудства, чем сколько было их во всех бесчисленных учениях, столь долго связывавших и унижавших человечество.

Если бы те, которые стоят во главе управления нашей страной, имели несколько мудрости, то, видя, что умы заняты этим предметом во всех странах мира, они выбрали бы людей образованных, опытных и практических, умеющих понимать самое дело, а не одни слова, – и поручили бы им тщательно и всесторонне рассмотреть всю мою систему для того, чтобы сначала они, а потом и весь мир – могли получить точное и верное понятие об этом открытии, которое должно произвести счастье на земле не только для настоящих, но и для будущих поколений.

При таком разумном образе действия открыто и всенародно будет поведено миру все, что есть ложного в моей системе, – если найдется в ней что-нибудь ложное, – равно как указано будет для пользы общества и на то, что в ней есть истинного и доброго, – если в ней окажется что-нибудь истинное и доброе.

Требуя этой меры, я имею в виду не личную свою выгоду. С самого начала моего поприща, когда я не имел никакой опоры, – я не боялся, единственно в интересах самой истины, входить в противоречие с самыми закоренелыми предрассудками предшествующих веков. Уже с тех пор я приготовился и к денежным штрафам, и к тюремным заключениям, и к самой смерти – даже на эшафоте. И что могут значить все подобные неприятности для человека, который весь проникнут одним желанием – быть полезным человечеству? Но вместо штрафов, заточений и бесславного конца я, напротив, встретил сочувствие и любовь человечества; я прожил жизнь свою мирно и без шума, счастливый самим собою и

своим семейством. Фамилия Овэна как в Нью-Лэнэрке, в Шотландии, так и в Нью-Гармони, в Америке, была одною из самых счастливых по сю и по ту сторону Атлантического океана. Правда, что я весь излишек моего состояния, до последнего шиллинга, посвящал на пропаганду моего великого и прекрасного дела, так как деньги бесполезны были в содействии его успехам; но достопочтенный прелат совершенно ошибается, когда утверждает, что я потерял мое состояние в роскоши и мотовстве. Ни одного фунта стерлингов не употребил я на какое-нибудь пустое дело; я в состоянии доказать это благородному прелату и вызываю его представить хотя малейшее доказательство противного.

После этого торжественного объяснения мне нечего более беспокоиться о том, что могут теперь сказать обо мне в парламенте или вне парламента. Моя жизнь служит настоящим ответом на все клеветы, какие еще могут на меня придумать. Минутная популярность мало имеет для меня

значения; забота же о своей репутации после смерти кажется мне нелепостью, разве только иметь в виду то удовольствие, которое могут от этого получить потомки знаменитого человека. Я счастлив в моей жизни; я буду счастлив и в смерти и еще более – независим от этого мира, дряхлого, безнравственного и неразумного.
Роберт Овэн
Лондон. 2 февраля 1840 года

* * *

Еще восемнадцать лет прожил Овэн после этого откровенного объяснения с противниками идей своих. Ни разу во все это время не изменил он себе, несмотря на старость, несмотря на громадность встречавшихся ему затруднений. В 1845 году он еще раз совершил путешествие в Америку, чтобы содействовать лично распространению там своего учения. С 1846 года он постоянно продолжал свою пропаганду в Англии. До конца жизни сохранил он полное употребление всех умственных способностей и пользовался редким здоровьем. Незадолго до своей смерти он еще являлся на одном конгрессе в Ливерпуле,

в сообществе лорда Брума и лорда Джона Рос-селя. Впрочем, говорить пред собранием ему было уже трудно. После этого он слег было в постель, но вскоре оправился и решился ехать в Ньютон, место своего рождения, чтобы там кончить свой век. Там он и умер на руках старшего своего сына – посланника Североамериканских Штатов в Неаполе. Смерть Овэна оправдала его торжественную уверенность, высказанную за восемнадцать лет пред тем: он умер спокойно, без агонии, почти без всякой боли. За полчаса до смерти он говорил, что чувствует себя чрезвычайно хорошо и приятно. Последние слова его были: «Relief is come» – «Пришла развязка».

Из представленного нами очерка читатели, незнакомые с произведениями Овэна, могут составить себе некоторое понятие об общих положениях, на которых опиралась изобретенная им *разумная система* общественного устройства. Мы не нашли удобным сделать здесь полное и подробное обозрение его системы: это необходимо отвлекло бы нас от изложения личной деятельности Овэна и заставило бы пуститься в общие теоретические со-

ображения. Соображения же эти потребовали бы слишком долгих и подробных распространений, а отчасти и умолчаний, так как принципы Овэна стоят действительно в резком противоречии со всем, что обыкновенно принимается за истину в нашем обществе. Поэтому, оставляя до более удобного времени подробное изложение и разбор теорий Овэна, мы на этот раз ограничиваемся очерком его личной деятельности и указанием на главнейшие идеи, служащие основанием всей его системы. Какое значение, какие обширные размеры имеет эта система, на каких смелых и совершенно самостоятельных началах она основана, это довольно ясно видно из «Манифеста», переведенного нами в этой статье. Для желающих же изучить подробности системы Овэна нужно обратиться к его сочинениям, и преимущественно двум, названным выше: «Об образовании человеческого характера» и «Книга нового нравственного мира» («Book of the new moral world»).

Писатели, разбиравшие идеи и деятельность Овэна, обыкновенно называют его утопистом, мечтателем, романтиком, непрактич-

ным и даже прямо безрассудным человеком. Мы не знаем, какое мнение читатели составили об Овэне по нашей статье; но нам кажется, что с писателями, трактующими Овэна таким образом, нельзя не согласиться во многом. Мы видели, что Овэн мог обогатиться филантропией – и растратил свое состояние на бедных; мог сделаться другом и любимцем всех партий – и ожесточил их все против себя; мог дойти до степеней известных{30} – и вместо того потерял всякое уважение к себе в высшем обществе; мог получить в свою власть целый край, отказавшись от одной из основных идей своих, – и не получил ничего, потому что прежде всего требовал от мексиканского правительства гарантий для свободы этой самой идеи. Поразмыслив аккуратно, невольно приходишь к вопросу: кто же мог поступать таким образом, кроме человека самого непрактичного, преданного самым утопическим мечтаниям? Одних этих фактов уже вполне достаточно, чтобы дать право противникам Овэна называть его близоруким мечтателем. А к этому прибавьте еще его претензии – преобразовать целый мир по сво-

им идеям, доказать, что все ошибались, а он один нашел правду! Это уж такая дерзкая химера, которой благоразумные противники Овэна даже в толк взять никак не могут. И благо им, что не могут!

Примечания

Впервые – *Совр.*, 1859, № 1, отд. III, с. 230–274, за подписью «Н. Т-нов».

Статья написана вскоре после смерти Оуэна. Источником биографических сведений Добролюбову послужил очерк «Роберт Оуэн» французского писателя Луи Рейбо в его книге «Etude sur les reformateurs ou socialistes modernes» («Очерки по истории реформаторов или новых социалистов»; Париж, первое отдельное издание – 1840, восьмое – 1856), а также некрологи, появившиеся в европейской печати. Судя по тому, что Добролюбов называет ряд работ Оуэна (см. примеч. 26), включает в статью свой перевод «Манифеста Р. Оуэна...», а в конце рекомендует читателям два его основных произведения (в статье же цитирует их), критику были знакомы и сочинения великого реформатора. Так, источником рассказа Добролюбова о Нью-Ленарке послужила также книга «A new view of society; or essays on the principle of the formation of the human character» («Новый взгляд на общество, или Опыты об образовании челове-

ского характера»; 9 изданий в Лондоне, Нью-Йорке, Эдинбурге, Манчестере, 1813–1840 гг.), где Оуэн сам изложил историю нью-ленаркского предприятия и школы при нем.

Используя работы Л. Рейбо (см. о нем: Солова М. Н. Рейбо – историк утопического социализма. – В кн.: История социалистических учений. М., 1984), Добролюбов, как это видно из его статьи, критически отнесся к основной тенденции книги – к опровержению утопического социализма с позиций буржуазии, к идеям примирения с обстоятельствами, послушания и терпения. Тенденция добролюбовской статьи – прямо противоположная. Биография Оуэна для Добролюбова – великолепная возможность для пропаганды и воспитания социально активного человека. Поэтому личность Оуэна с ее могучим творческим и волевым потенциалом, беззаветно отданным улучшению жизни трудящихся, оказалась в центре внимания русского критика.

Со скептической интерпретацией Рейбо социалистических теорий Оуэна Добролюбов соглашается лишь тогда, когда речь идет о наивных, романтических взглядах английского

утописта. Русский критик при этом все же акцентирует положительные практические результаты социальных и педагогических экспериментов Оуэна, направленных на переустройство общества, «перевоспитание будущего человечества». Этот пафос статьи Добролюбова был поддержан Чернышевским, писавшим об Оуэне: «Он имеет право быть выслушиваем во всем, что относится к воспитанию» (Чернышевский, IX, 261).

Осмысление теорий Оуэна способствовало формированию общественно-политических и нравственно-философских взглядов Добролюбова, сформулированных позднее в таких работах, как «Когда же придет настоящий день?», «Луч света в темном царстве» и др. Интерес к учениям социалистов-утопистов, и раньше существовавший в России (еще с 20-х гг.), неизмеримо возрос на рубеже 60-х гг., когда страна вступила на путь социальных реформ. Вслед за Добролюбовым к анализу социалистических теорий обратился Чернышевский. В третьей части статьи «Июльская монархия» (*Совр.*, 1860, № 5), целиком посвященной сенсимонизму, он выразил мысль,

объединяющую его с Добролюбовым: «Энтузиасты прогресса ошибаются в одном: в том, что цель их будет достигнута их путем; но они правы, не сомневаясь в том, что она будет достигнута» (Чернышевский, VII, 164).

Надежды Оуэна на классовый мир и на соглашение между эксплуататорами и эксплуатируемыми иронически отвергнуты Добролюбовым в рассказе об орбистонской общине. Правда, «отступления от чисто общинного начала» приписаны здесь лишь ученику Оуэна Абраму Комбу, а не самому учителю, что не вполне соответствовало исторической истине. Среди других последователей Оуэна Добролюбов выделил особо У. Томпсона и Д. Брея, выступивших против идеи учителя о союзе предпринимателей и рабочих.

Размышления об опыте Оуэна как великого деятеля кооперативного движения в Англии (до него кооперации трудящихся были лишь потребительскими, а не производственными) – это лишь часть широкой пропаганды и разработки идеи общинного социализма в творчестве Добролюбова и – параллельно – Чернышевского. Для них община – форма бу-

дущего социального устройства, а не исключительное средство его достижения. Добролюбов, как и Чернышевский, близко подошел к пониманию того, что «кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45. с. 374).

Статья Добролюбова – одно из первых обращений русской революционной демократии к опыту европейского утопического социализма. Она, несомненно, дала толчок к дальнейшему развитию социалистического учения, в частности, в творчестве Чернышевского (в ряде статей и в романе «Что делать?»). Более поздняя статья Герцена «Роберт Оуэн» (Полярная звезда на 1861 г., кн. VI; вошла в состав «Былого и дум») во многих принципиальных моментах совпала с Добролюбовыми. Так, Добролюбов считал главной ошибкой Оуэна его убеждение, «что всем людям очень легко внушить понятие о полной солидарности их прав и обязанностей». Герцен писал: «Ахиллова пята Оуэна не в ясных и простых основаниях его учения, а в том, что он думал,

что обществу легко понять его *простую* истину» (Герцен, XI, 220).

Сноски

1

До изобретения машин во всей Великобритании считалось только 8000 ремесленников и мастериц, занятых хлопчатобумажным производством; ныне это дело занимает в Англии до миллиона парода. Ценность бумажных тканей, уже по исчислению 1836 года, простиралась в Англии с лишком до 200 миллионов рублей; в настоящее время цифра эта более чем удвоилась.

[^^^]

Это намек на те нападения, какие делал на систему Овэна в палате лордов епископ Экзетерский.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Рассказ о посещении Оуэна Николаем I был исключен цензурой из публикаций статьи в «Современнике» и в изд. 1862 г. Об этом посещении рассказывается в «Былом и думах» (Герцен, XI, 207–208).

[^^^]

2

Сведения из биографии Оуэна излагаются неточно. В 1789 г. Оуэн вместе с одним своим другом организовал заводик по производству прядильных машин. В 1791 г. он стал управляющим огромной прядильной фабрики Дринкуотера в Манчестере. Что же касается фабрики Дейла в Нью-Ленарке, то Оуэн вместе с несколькими компаньонами купил ее у будущего тестя в 1799 г. и стал ее директором с января 1800 г.

[^^^]

3

Имеется в виду основанный Оуэном в 1816 г. «Новый институт для образования характера», где обучалось около 600 детей.

[^^^]

4

Система взаимного обучения Э. Белла и Дж. Ланкастера должна была разрешить проблему элементарного образования при ограниченных средствах и недостатке учителей. Старшие ученики обучали младших, руководствуясь указаниями учителей.

[^^^]

5

См. примеч. 2. Оуэн женился на Лине Каролине Дейл в сентябре 1799 г.

[^^^]

6

Издано в Лондоне не в 1812, а в 1813–1814 гг. (см. наст. т., с. 718).

[^^^]

7

Добролюбов очень четко проводит границу между объективно буржуазным, филантропическим (нью-ленаркским) периодом деятельности Оуэна и последующими, социалистическими по смыслу, экспериментами. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» также писал, что после «перехода к коммунизму» это был уже другой Оуэн: «изгнанный из официального общества, замалчиваемый прессой, обедневший...» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с.

[^^^]

8

Реакционный союз ряда европейских государств во главе с Александром I. Далее идет речь об Аахенском конгрессе этого союза.

[^^^]

9

По избирательному закону 1832 г. была частично отменена выгодная для аристократов система «гнилых местечек» (старинных городков и селений, обладавших давним правом представительства в парламент), а освободившиеся депутатские места были распределены между крупными промышленными центрами.

[^^^]

Имеются в виду «Two Memorials on behalf of the working classes; the first presented to the governments of Europe and America, the second to the Allied Powers assembled ... at the Aix – Chapello», 1818 («Две петиции относительно трудящихся классов; первая представлена правительствам Европы и Америки, вторая – Аахенскому конгрессу союзных держав»). Изданы были также в качестве приложения к «Манифесту Р. Оуэна...» (см. примеч. 29), где Добролюбов, очевидно, и познакомился с ними.

[^^^]

11

Имеется в виду налог в пользу бедных, который, по мнению Оуэна, способствовал скорее «вознаграждению лени и порока, чем трудолюбия и добродетели» (Оуэн Р. Избр. соч., т. I. М.-Л., 1950, с. 98).

[^^^]

12

Добролюбов передает одно из положений I главы книги Оуэна «Опыты об образовании человеческого характера» (см. примеч. 26).

[^^^]

13

В 1818 г. несогласие с компаньонами, стремившимися к увеличению доходов и препятствовавшими мероприятиям Оуэна (в частности, педагогическим, в которых было усмотрено вредное влияние атеизма), привело к острому конфликту. Оуэн сохранял свое финансовое участие в доле до 1828 г. и номинально оставался управляющим до 1825 г.

[^^^]

14

В 1816 г. под влиянием Оуэна Роберт Пиль-старший пытался провести в парламенте закон об охране детского труда. Лишь в 1819 г., сильно измененный и урезанный, этот закон был принят.

[^^^]

15

Течение в христианстве, возникшее на рубеже IV–V вв. и названное по имени его основателя Пелагия, утверждавшего, что человек способен достичь спасения собственными силами, не прибегая к божественной благодати. Католическая церковь объявила пелагианство ересью.

[^^^]

16

См. примеч. 9.

[^^^]

17

В начале 1825 г. Оуэи купил имение религиозной секты Т. Раппа (которая перебиралась на новое место) и основал там трудовую комму-ну «Новая Гармония». В 1829 г. этот опыт кон-чился неудачей, поглотив почти все средства Оуэна.

[^^^]

18

С 1820 г. в Англии по инициативе Оуэна нача-ли возникать кооперативные общества рабо-чих.

[^^^]

19

«Кооперативный журнал» издавался в 1826–1830 гг.

[^^^]

20

Орбистонская община существовала с 1825 по 1828 гг.

[^^^]

21

В марте 1834 г. в Манчестере шесть батраков были осуждены на семилетнюю ссылку за принесение «незаконной» присяги «Дружескому обществу сельскохозяйственных рабочих». Вызванные этим приговором митинги и манифестации не помогли, и приговор остался в силе.

[^^^]

Имеется в виду стачка портных в 1834 г.

[^^^]

Описанные Добролюбовым оуэновские «Базары справедливого обмена» были организованы в Лондоне и Бирмингеме, но просуществовали недолго (1832–1834 гг.). По неосуществившемуся же замыслу Прудона (1849 г.) в «обменный», или «Народный», банк все производители должны были свозить свои товары, которые принимались по оценке, учитывавшей рабочее время и издержки производства, но без прибыли.

[^^^]

24

В 1835 г. оуэновская «Ассоциация труда, человечности и знания» слилась с другими оуэновскими организациями в «Ассоциацию всех классов всех наций». Через нее Оуэн стремился осуществить идеи классового мира.

[^^^]

25

Газета «Новый нравственный мир» издавалась в Лондоне, Манчестере и Бирмингеме в 1835–1842 гг.

[^^^]

Имеются в виду: Lectures on an entire new state of society. London, 1830; 1841; Essays on the formation of the human character. Manchester, 1837; 1840 (под этим названием выходила в указанные годы книга «A new view...» – см. о ней наст. т., с. 718); Six lectures delivered in Manchester previously to a discussion between Robert Owen and J. H. Roebuck. Manchester, 1837, 1838 (Шесть лекций, прочитанных в Манчестере перед дискуссией между Робертом Оуэном и Дж. Робаком); Outline of the rational system of society... (11 английских изданий, 1830–1851; фр. перевод – 1837); The book of the new moral world... London, 1836, Glasgow, 1837; 1840 (фр. и нем. переводы 1838–1839).

[^^^]

См. преамбулу. Правильно: Уильям Томпсон и Джон Брей. См. о них: Галкин В. В. Наука или утопия? М., 1981.

[^^^]

Оуэн приехал во Францию осенью 1837 г. по приглашению своих друзей. Это вызвало широкий резонанс: журналы печатали его биографию, изложение его учения. Оуэн прочел всего три лекции, которые были прекращены полицейскими властями. «Атеней» – ученое общество в Париже, известное под таким названием с 1803 г.

[^^^]

29

Имеется в виду «Manifesto of R. Owen, the discoverer and founder of the rational system of society and of the religion» (8 изданий, Лондон, 1840–1841).

[^^^]

30

Слова Чацкого о Молчалине («Горе от ума», д. I, явл. 7).

[^^^]

[^^^]